

ЧИНГИЗ
АБДУЛЛАЕВ
МРАК ПОД СОЛНЦЕМ

Чингиз Абдуллаев
Мрак под солнцем

«PEN-клуб»

1995

Абдуллаев Ч. А.

Мрак под солнцем / Ч. А. Абдуллаев — «PEN-клуб», 1995

В работе спецслужб мелочей не бывает. Малейший прокол чреват смертью. Тем более, когда совместными усилиями разведок России и США готовится масштабная операция по ликвидации Фиделя Кастро. В роскошных отелях Парижа, на тайных квартирах резидентов, в обширных мексиканских поместьях неумолимо сжимаются пружины, вращаются шестерни гигантского механизма, чтобы в нужный момент вывести на «объект» профессионалов, способных совершить невозможное.

© Абдуллаев Ч. А., 1995

© PEN-клуб, 1995

Содержание

Вместо вступления	5
Часть I	7
Глава 1	7
Воспоминания	13
Глава 2	16
Воспоминания	25
Глава 3	27
Глава 4	32
Воспоминания	39
Глава 5	43
Глава 6	49
Глава 7	56
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Чингиз Абдуллаев

Мрак под солнцем

Только глупцы и покойники никогда не меняют своих мнений
Джеймс Лоуэлл

Вместо вступления

Они появились неожиданно. Никто так и не смог понять, откуда они пришли. Просто внезапно раздался треск автоматов, и сидевший у самого дерева отец, как-то неловко дернувшись, упал лицом вниз. Потом начался настоящий ад. Они поливали огнем всю деревню. Выбегавшие из домов люди гибли, попадая под перекрестный огонь автоматов и пулеметов нападавших. Кто-то пытался достать оружие, кто-то даже успел сделать несколько выстрелов, но все было напрасно. Атакующие слишком хорошо подготовились, они словно заранее изучили все уязвимые места в их слабой обороне и теперь, прорвавшись наконец в деревню, мстили за прошлогоднее бегство.

Бернардо выбрался из дома каким-то чудом, успев заметить еще, как тихо охнула мать, сползая на землю. Полоснувшая по окнам автоматная очередь выбила стекло, и сразу три пули попали в тело матери. Она опускалась осторожно, словно боясь напугать старшего сына видом своей смерти. Кажется, она даже улыбнулась ему напоследок.

Он успел прыгнуть в кусты до того, как появившиеся двое нападающих выбили дверь их дома, врываясь внутрь. «Как там Габриэль?» – мелькнула запоздалая мысль. Младший братишка спал во внутренней комнате. Он даже вскочил, забыв о собственной безопасности, когда увидел, как из левого окна выбирается Габриэль. Дальше все было как в замедленном кино. Высунувшееся дуло автомата внезапно заработало, и пули буквально пробивали тело мальчика насквозь. Ребенок даже не успел обернуться. Он сначала споткнулся, а затем, отброшенный убийной силой автоматной очереди, упал на землю. И вот тут Бернардо словно ударили по голове. Даже смерть матери не могла подействовать сильнее, чем расстрел младшего брата, только сегодня показавшего ему свои первые рисунки.

Чувствуя, как кружится голова, и уже не обращая внимания на автоматные очереди, он бросился к дому, забыв о том, что его собственная винтовка осталась в углу кухни. Но в этот момент он не помнил ни о чем. Перед глазами было расстрелянное тело десятилетнего брата. Он ворвался в дом и успел заметить лопату, брошенную на пол. Подхватив ее, он кинулся в другую комнату, где стоял стрелявший в брата мрачный незнакомец. Тот удивленно оглянулся и поднял автомат. Бывают моменты, когда чувство страха исчезает вообще. Его заменяет какое-то непонятное бешенство, словно внезапно в душе просыпаются миллионы умерших предков и исчезает сам страх смерти конкретного индивидуума. Он поднял лопату, незнакомец дернул автомат, даже, кажется, успел сделать несколько выстрелов и умудрился не попасть с близкого расстояния. Или он попал, Бернардо потом не мог вспомнить, но лопата опустилась на череп убийце, и тот свалился с проломленной головой на пол. Автомат отлетел в сторону, а вокруг тела начала густеть черная кровь.

Подхватив оружие, Бернардо прошел в другую комнату и буквально в упор изрешетил второго нападавшего, уже что-то искавшего в их доме. Потом он вышел на улицу.

Вспоминая позднее дальнейшие события, он не мог даже описать свои действия. Только запах крови, вид убитых людей и дикий плач над телом брата. И еще до боли сжатый в руках автомат, расстрелянный до последнего патрона. Когда его нашли спустя два часа, он так и лежал у тела своего брата, сумев доползти сюда после ранения. Позднее на теле Бернардо

было обнаружено пять пулевых ранений. Никто не понимал, как он мог двигаться с подобными ранами. И как он сумел выжить, потеряв столько крови. Его состояние довольно долго было очень сложным, и лишь когда оно немного улучшилось, его послали в Москву на дальнейшее лечение.

Борющиеся против Сомосы и его палачей партизаны Сандинистского Фронта национального освобождения считали тогда за честь попасть в столицу первого в мире социалистического государства, так много делавшего для поддержки их справедливой борьбы. Он и не думал, что вернется снова на родину только спустя шестнадцать лет.

Уже в другую эпоху...

Часть I

Глава 1

В кабинете было прохладно и уютно. После утомительной летней жары он с наслаждением пил холодную минеральную воду, чувствуя, как постепенно успокаивается. Сидевший напротив него красивый подтянутый хозяин кабинета молча ждал, пока наконец гость не заговорит. Он допил воду, поставил стакан на стол и лишь тогда сказал:

– Хорошая вода – боржоми. Откуда вы ее получаете? Неужели по своим каналам?

Хозяин кабинета улыбнулся. Он знал, что гость любит задавать подобные вопросы, но не думал, что они будут настолько далекими от его нынешних проблем.

– Грузинские товарищи присылают, – весело сообщил он, – подарок Игоря Георгадзе.

– У вас до сих пор говорят «товарищи», – наигранно удивился гость, – я думал, вы уже давно «господа».

– Вот сколько лет тебя знаю, – не выдержал хозяин кабинета, – ты никогда не бываешь серьезным. Это, видимо, твой психотип, помогли выработать еще при покойном Юрии Владимировиче.

– Раньше, – даже обиделся гость, – гораздо раньше. Я ведь работал еще при Иване Александровиче Серове: тогда впервые нас и назвали Комитетом государственной безопасности.

– Извини, я все время забываю, сколько тебе лет, – съязвил хозяин кабинета, – а ты хорошо сохранился.

– Издеваешься, – гость протянул руку к бутылке, наполнил свой стакан, – давай, давай, ты теперь генерал, тебе можно издеваться.

Он снова выпил весь стакан.

– Черт его знает, – он поставил стакан на стол, – может, у меня диабет, как думаешь, а? Нужно провериться. В моем возрасте это вполне возможно. Что-то много жидкости пить стал.

– Какой у тебя возраст! – махнул руками хозяин. – Ты еще на моей могиле скажешь про меня хорошие слова и супругу мою под ручку домой отведешь. Правильно?

– Может быть.

– Может, ты собираешься в мемуарах обо мне написать? – невинным голосом уточнил хозяин кабинета.

– На том свете. Никак не раньше. Уточняю специально для тебя и для твоих ребят, которые сейчас нас слушают.

– Этот кабинет не прослушивается, – напомнил хозяин кабинета, – здесь столько техники вокруг. Это исключено.

– Скэллеры или скремблеры,¹ как они теперь называются? – спросил гость.

– Это уже вчерашний день. Сейчас такие перехватчики, маскираторы, шифраторы, анализаторы применяют, что твои игрушки покажутся детской забавой. Трудно работать стало, нужно новую технику осваивать, в компьютерах разбираться. Сейчас, знаешь, какие умные ребята к нам идут на работу. Это уже двадцать первый век.

– Поэтому ты решил вызвать меня?

¹ **Скэллеры и скремблеры** – устройства, позволяющие исключить возможность электронного подслушивания. Скэллеры излучают микроволновые лучи, которые затрудняют работу любых подслушивающих устройств в ограниченном диапазоне. Скремблеры совмещаются с радиотелефонными и телефонными системами. Они кодируют все слова, и сообщение, переданное посредством скремблера, может быть прочитано только при помощи его двойника, имеющего схожий шифратор и одинаковый код. В противном случае расшифровать запись практически невозможно.

– Я хочу посоветоваться.

– Это я уже догадался. Опять какую-нибудь пакость придумали. Ты ведь раньше в семнадцатом отделе работал, по Южной Азии специалистом был. А наше управление все считали слишком шумным и никому не нужным. Думали, раз есть группы «Альфа» или «Вымпел», зачем нам еще какое-то специальное управление, занимающееся активными действиями за рубежом.

– Не знаю, кто думал, но я был другого мнения. И ты прекрасно это помнишь. Ваше управление делало много нужного, чего не могли сделать другие.

– Спасибо на добром слове. Поэтому меня и выперли отсюда?

– Это сделал не я, и напрасно ты сейчас об этом вспоминаешь. Нам как раз нужен твой опыт.

– Можно считать это официальным предложением руководства разведки?

– Можно.

– А как твой «академик»? Он возражать не будет? Я ведь человек старой эпохи, могу дров наломать.

– Неужели ты думаешь, мы не получили его согласия?

– Понятно. Теперь можешь начинать свой разговор. Я уже забыл, что я пенсионер.

– Хорошо. То, что я скажу, – останется только здесь. Извини, что приходится об этом напоминать. Формально ты все-таки на пенсии.

– Ладно, я не обидчивый, давай дальше. Будем считать, что ты меня предупредил. – У гостя были резкие грубые черты лица, которые, казалось, застыли теперь в неподвижной маске. Ему все-таки не понравились слова хозяина кабинета.

– Нам нужны все данные по вашей операции восемьдесят девятого года.

– Не понял?

– Кончай дурака валять. Нам нужны все данные по вашей операции в Румынии в декабре восемьдесят девятого года. Теперь понял?

– Ясно. Поэтому меня и вспомнили. А почему не пригласили Леонида Владимировича или Бориса Александровича?² Они могли рассказать гораздо больше моего.

– Мы их просили о сотрудничестве, и они назвали нам твою фамилию. Точные детали они не помнят или делают вид, что не помнят. Не хотят рассказывать. Не любят они нашего «академика», сам понимаешь, для них он человек Горбачева – Ельцина. Все, что мы и так могли узнать из документов, они рассказали, а больше ни слова. Ничего не помнят. Хорошо еще вспомнили про тебя.

– Документы сохранились?

– Конечно, нет. Ты ведь помнишь, что у нас было в августе девяносто первого. Тогда ждали штурма основного здания. По приказу Шебаршина тогда были уничтожены все документы о вашей операции в Румынии. Никаких следов не осталось.

– Это я помню, – вздохнул гость, – мы боялись, что тогда и сюда, в Ясенево, доберутся эти ретивые демократы. Всю ночь ждали. За любую информацию из твоего кабинета американцы тогда готовы были платить любую цену. Но, к счастью, все обошлось.

– Так это твои люди тогда здесь сидели?

– Два дня. Приказ был категорический – посторонних не пускать. Всем умереть на месте, но не пускать. И мы готовились умереть.

А потом мы узнали, что ушел Шебаршин. Ты ведь знаешь, как мы все его уважали, он настоящий профессионал был, как этот зануда Крючков, хотя сейчас я понимаю, что Крючков

² Леонид Владимирович Шебаршин – генерал-лейтенант. Работал заместителем резидента в Индии, резидентом советской разведки в Иране. В 1989–1991 годах возглавлял разведку Советского Союза, Первое главное управление КГБ СССР, и был заместителем Председателя КГБ. 22–23 августа был временно и. о. Председателя, позднее ушел в отставку. Борис Александрович Соломатин – сотрудник Первого главного управления КГБ СССР, генерал-майор.

был просто прекрасным руководителем по сравнению с этим предателем Бакатиным. Я в Таллине был, документы там уничтожил, когда узнал по телевизору, что Бакатин сдал американскому послу нашу схему прослушивания американского посольства. Мы над ней столько лет работали. А он, понимаешь, взял и отнес всю схему. В любой стране, даже в Америке, его за такое дело посадили бы на электрический стул. Ничего худшего нельзя было и придумать. Я даже не поверил, когда услышал. А потом приехал в Москву и положил на стол рапорт о своем увольнении.

– Эти времена уже прошли, – нахмурился хозяин кабинета, – сейчас никто не собирается ничего отдавать американским послам.

– Надеюсь. Тебе, Слава, я верю, а вот твоему «академику» – нет. Если бы он меня вызвал, я бы ни за что не пришел. Он один из них, из разрушителей. Он ведь рядом с Горбачевым сидел, мог бы и подсказать при случае.

– Мы все немного разрушители, – мрачно заметил хозяин кабинета, – и винить нам надо только себя, Сережа, только себя.

– Мне себя винить не за что, – возразил гость, – я всю свою жизнь честно служил своей родине. И свой партбилет, между прочим, не выбрасывал, как некоторые.

– Если на меня намекаешь, то напрасно, я его тоже не выбрасывал.

– А когда с Ельциным встречаешься, то взасос целуешься, наверное. И ничего ему не говоришь. А с остальными как? На банкетах видишься? И тоже молчишь?

– Мы тебя позвали не из-за этого, – строго одернул его хозяин кабинета, – не забывайся, Сережа, ты не мальчик. Должен все понимать.

– Вспомнили наконец. А раньше я никому не нужен был. Я ведь генерала раньше тебя получил, Слава. Но я так и остался с одной звездочкой, а у тебя, говорят, уже третья на погоны нашита. Ты ведь сейчас уже первый заместитель «академика».

– Тебе больше нечего сказать, – строго уточнил хозяин кабинета, – может, еще водички выпьешь, остудишься?

– Ладно, все, больше не буду ничего говорить. Задавай свои вопросы, генерал.

Хозяин кабинета покачал головой. У него было уставшее лицо, с мешками под глазами. Красиво уложенные и коротко постриженные волосы были уже отмечены сединой. Чем-то он был похож даже на актера Тихонова, так блистательно сыгравшего советского разведчика Исаева в кино. Но здесь было совсем не до кино.

– Ты возглавлял операцию в Румынии?

– В восемьдесят девятом году я. До этого был другой.

– Ты же прекрасно понимаешь, что именно нас интересует.

– Да. Операция по спасению «динозавров». Этим занимались мои ребята.

– Ты помнишь их имена?

– А как ты думаешь?

– Кто был твоим заместителем?

– Конечно, «Маркиз».

– Бернардо Рохас участвовал в твоей операции?

– Если ты знаешь его имя, то не стоит даже меня спрашивать. Конечно, он участвовал. Он ведь был лучший мой ученик, настоящий Мастер. Сейчас таких уже не найти.

– Тебе нужно будет подробно описать всю операцию. Это нас очень интересует. Важно не упустить даже малейшей детали. Ты понимаешь? Сколько у вас было людей?

– Двадцать два. Среди них были и ребята из военной разведки. Я не совсем понимаю, что происходит. Опять какие-то дурацкие игры? Я и тогда не совсем понимал этот план, для чего он нужен. И не понимаю сейчас. Все, что можно было отдать, мы уже отдали. Какой смысл вспоминать об этом сегодня?

– Есть смысл, – жестко ответил хозяин кабинета. – есть, раз мы тебя вытащили с дивана. Напишешь все подробно, очень подробно. Важны все детали – как произошло восстание, кто стрелял, как их расстреляли. Сумеешь все вспомнить?

– Грязная история, – вздохнул гость, – конечно, сумею, только вы напрасно все это вспоминаете. Меня потом Крючков чуть лично не удавил. Говорит, тебя посылали их спасти, а ты, сукин сын, помог их расстрелять. Там еще и китайцы действовали. Знаешь, они ведь держали готовый самолет, чтобы вывезти Чаушеску в Пекин. А тут мы вмешались. Получилось, что помешали друг другу.

– Об этом тоже напиши, – кивнул хозяин кабинета.

– Вы бы лучше Тяжелникова вызвали. Он столько лет послом сидел в Румынии. Мог бы вам все гораздо лучше рассказать.

– Уже вызывали. Он ведь не знал ничего о вашей группе. Даже местный резидент в КГБ не был информирован о ваших действиях. Ты ведь потом через Италию уходил, чтобы ничего не заподозрили. Так?

– Да, тогда все говорили о руке Москвы. Я получил приказ не идти через Болгарию, хотя первоначальный вариант предусматривал такие действия. Нам приказали возвращаться через Рим. А «Маркиз» вернулся через Турцию.

– Кто в Риме был в это время резидентом? Кажется, Акимов.³

– Точно, он. Он ведь сменил Орлова, с которым я работал раньше. Ты должен помнить нашу операцию в Италии в восемьдесят третьем.

– Это к делу не относится. Значит, Акимов помогал тебе вернуться. Правильно?

– Да.

– У тебя тогда, кажется, были потери в группе?

– У меня всего один человек погиб. И еще военный разведчик опоздал на самолет, а Третье управление⁴ сразу решило, что он изменил Родине. Поэтому нас всех отправили на «карантин» и операцию признали неудачной. Хотя мы сделали все, что смогли. Я теперь начал понимать. Опять хотите повторить подобный трюк с каким-нибудь из «динозавров». Хотя, по моему, уже никого не осталось.

– На наш век хватит.

– Вьетнам? Корея? Опять Румыния? Кто теперь на очереди?

– Вот папка, – показал на лежавшую перед ним папку хозяин кабинета, – с этого момента ты будешь считаться восстановленным на службе в качестве нашего эксперта. Документы совершенно секретные. На них гриф «особой важности». Поэтому отсюда их выносить нельзя. Прочтешь прямо в моем кабинете. Но только после того, как ты напишешь подробную справку о своих приключениях в Румынии.

– Посмотреть можно? – заинтересовался гость.

– Позднее. Сначала твой анализ. Особо отметь «Маркиза», подробно разбери все его действия.

– Ладно, все напишу. Храни свою папку, – усмехнулся гость и вдруг, что-то вспомнив, спросил: – Зачем вам все-таки «Маркиз», он ведь до этого работал только в Африке. Это я его взял на европейское направление. А в Африке у нас, кажется, только Каддафи остался. Да и того вряд ли можно считать нашим другом. Напрасно ты мне папку не даешь. Теперь мучиться буду, Слава, пытаться угадать, что именно написали твои эксперты. «Маркиз» ведь из Никарагуа. Вам эта дамочка мешает, Чаморра? Не похоже. У сандинистов шансов почти нет. Тогда почему ты вспомнил Румынию? Нужен наш анализ Чаушеску. Последний сталинский

³ Георгий Александрович Орлов работал резидентом КГБ в Риме до 1986 года, затем его сменил на этой должности Валентин Антонович Акимов. Оба были сотрудниками ПГУ КГБ СССР.

⁴ Третье главное управление КГБ – военная контрразведка.

«динозавр» Европы. Ты меня поправляй, если я неправильно рассуждаю. Кто у нас еще из «динозавров» остался? Дэн Сяопин уже не в счет, он умирает. Ким Ир Сена нет. Его сын? Нет, Бернардо там будет резко выделяться. Тогда...

Он вдруг замер. Хозяин кабинета внимательно следил за ним, слушая его рассуждения. Ему был интересен сам процесс мышления старого разведчика.

– Кажется, я понял, – почему-то вдруг понизив голос, печально сказал гость, – он остался последним «динозавром» на Земле. Хотите убрать и его. Решили, что новый климат опасен для здоровья «динозавров»?

– Это не мы решаем, это за нас решают.

– Значит, я прав? Куба...

– Открой папку. – Они смотрели в глаза друг другу. Гость, не отрывая глаз, протянул руку и открыл папку. На первой странице была фотография человека, известного на весь мир. Его колоритная внешность не нуждалась в дополнительных пояснениях.

– Фидель... – Гость наконец отвел глаза, чтобы взглянуть на фотографию, – я был прав. Хозяин кабинета молчал.

– Да, – невесело усмехнулся гость, – знал бы, зачем вы меня вызываете, никогда бы не пришел. Хотя, наверное, все правильно. Пришел и его срок. Бедняга «команданте».

Хозяин кабинета по-прежнему тяжело молчал. Здесь, в Ясенева, в штаб-квартире российской Службы внешней разведки, не любили эмоций. Даже по самым верным союзникам в прошлом.

– Фидель Кастро, – показал на фотографию наконец хозяин кабинета, – это теперь твой объект номер один.

* * *

Главное разведывательное управление Генерального штаба
Министерство обороны СССР
Архивный фонд
Особо секретный фонд
Документ особой важности
Выносить из здания не разрешается
Копий не снимать
Вскрыть только с согласия начальника Управления

ДЕЛО АГЕНТУРНОЙ РАЗРАБОТКИ

8796

«ГОСПОДАРЬ»

№ 1

По полученным агентурным сведениям в середине – конце декабря 1989 года в Румынии предполагаются массовые выступления, организованные

оппозицией. Поводом к выступлению могут быть столкновения на межэтнической почве в Трансильвании. Специальная группа «Чиновника» уже прибыла на место событий. В ее составе отдельным подразделением действует группа «Маркиза», базирующаяся в Бухаресте. В случае активных действий правительственных войск группа «Маркиза» сможет подключиться и действовать по обстановке. Источник указывает, что в настоящее время режим Чаушеску не имеет прочной базы среди населения страны и держится исключительно на военной силе и репрессиях.

14 ноября 1989 года

№ 2

В настоящее время уже не вызывает сомнений наличие серьезной оппозиции существующему режиму Чаушеску в вооруженных силах Румынии. Наиболее популярная фигура среди военных – генерал-полковник Стэнкулеску, который может при необходимых условиях совершить переворот и установить в стране левоцентристскую диктатуру. Источник указывает, что Стэнкулеску вместе с тем имеет определенное тяготение к западному образу жизни и может оказаться весьма нестойким кандидатом.

24 ноября 1989 года

№ 3

Источник уточняет более точную информацию по генералу Стэнкулеску. Атанасие Виктор Стэнкулеску. Родился 10 мая 1928 года в провинции Галац. В 1948 году окончил артиллерийскую школу в г. Сибиу. В 1951 – факультет артиллерии военной Академии. После окончания служил в Тимишоаре начальником штаба армейского корпуса. В 1965–1975 годах был начальником управления Генерального штаба, с 1975 года заместитель начальника Генерального штаба ВС Румынии. С 1981 года заместитель министра национальной обороны. С 1985 года первый заместитель министра. Генерал-полковник. Владеет пятью языками – румынским, русским, французским, венгерским и немецким. Женат. Имеет дочь. Спортсмен. Председатель румынской федерации по современному пятиборью.

26 ноября 1989 года

Воспоминания

Они прибыли тогда в Румынию особой группой по личному указанию Председателя КГБ СССР В. Крючкова. Это были самые сложные дни. В ноябре 1989 года пала Берлинская стена. Только личное вмешательство М. Горбачева не позволило ввести уже стоявшие в ангарах с заведенными моторами советские танки. Летом 1989 года в Польше прошли первые демократические выборы, и к власти в стране пришла оппозиция. Именно тогда, напуганный размахом общего развала единого социалистического лагеря, КГБ разработал специальную операцию по замене одиозного румынского руководителя. Ни у кого не вызывало сомнения, что режим Чаушеску доживает свои последние дни. Следовало перевести недовольство населения в более приемлемые для советского руководства и КГБ рамки, обеспечив приход к власти левоцентристской оппозиции, более лояльной к своему северному соседу.

Группа «Чиновника» базировалась в Трансильвании, а специальная группа «Маркиза» уже рассредоточивалась в Бухаресте. У Бернардо Рохаса, известного в Первом главном управлении под именем «Маркиз», было специальное задание. Он должен был приготовить свою группу для ведения активных действий в столице Румынии. Многочисленные агенты КГБ давали необходимую информацию, но самым ценным агентом был «Господарь», сотрудничавший с Главным разведывательным управлением Генштаба Министерства обороны СССР. Ни для кого не было секретом и многолетнее соперничество ПГУ КГБ и ГРУ Генштаба.

Конечно, Рохас ничего не знал об информации агента военной разведки. Традиционно в социалистических странах у ГРУ были более ценные источники информации в военных кругах, среди которых было много офицеров, окончивших советские высшие военные учебные заведения. Но даже не обладая информацией «Господаря», входившего в высшее военное руководство Румынии, он видел все признаки надвигающегося краха режима.

Об их пребывании в Румынии не знал никто, даже советский посол, которому полагалось быть информированным о наличии подобной группы в его стране. Само существование подобной группы было настолько засекреченным фактом, что о ней не сообщили даже резиденту КГБ в Румынии. В целях конспирации аналитики КГБ считали, что деятельность обеих групп не должна пересекаться с легально существующей в стране советской резидентурой.

В начале декабря «Маркиз» получил четко сформулированное задание. На встречу приехал из Москвы связной, который должен был вернуться домой в этот же день. Они встретились тогда у отеля «Адене Палас». Они знали друг друга в лицо, и никаких паролей не требовалось.

– Тебя не узнать, – сказал свои первые слова связной.

– Эту дурацкую прическу мне сделали в Москве, – раздраженно ответил Бернардо, – и заставили сбрить бороду и усы.

– А ты хотел появиться в Румынии со своей бородкой? – засмеялся связной. – Ты знаешь, на кого ты с ней похож?

– Знаю. Это ведь ты придумал мою дурацкую кличку «Маркиз».

– А чем ты недоволен? Тебе очень подходит. Настоящий маркиз, галантный и красивый. По-моему, ты должен быть доволен.

– Говори, зачем приехал? – Разговаривали они по-русски, хотя Бернардо знал к тому времени уже пять языков, включая румынский. Традиционно от специалистов ПГУ требовали знания нескольких языков, среди которых были и языки союзных держав. Впрочем, во времена Чаушеску русский язык в Румынии был достаточно популярен.

– У нас есть сведения. Скоро начнутся события в Трансильвании. Группа «Чиновника» готовится принять в них активное участие. У тебя все люди в порядке?

– Конечно. Что с ними могло случиться? Ждут моего сигнала.

– Учти, нужно будет действовать очень осторожно. Представляешь, что напишут газеты всего мира, если хотя бы один твой человек сорвется или останется лежать в качестве трупа? Никаких документов, никаких бумаг – это твои люди, надеюсь, помнят хорошо?

– Ты приехал специально, чтобы мне это напомнить?

– Нет, – раздраженно ответил связной, – я приехал не из-за этого. Как только начнутся волнения, твои люди должны активно провоцировать беспорядки, если нужно, даже смешиваться с толпой и участвовать в митингах против существующего режима. Наши аналитики просчитали, что режим Чаушеску может пасть очень быстро, практически сразу, и нужно не допустить его замены на либералов западного толка. Для этого нужны активные силовые действия против народа. Вторая Берлинская стена нам не нужна. Никаких постепенных переходов, никаких выборов. Формируется революционный штаб, который свергает режим Чаушеску. Только в этом случае к власти в стране могут прийти революционеры-обновленцы, традиционно стоявшие в оппозиции к существующему режиму. В противном случае мы рискуем просто потерять Румынию.

– Дурацкая задача, – вздохнул «Маркиз», – конечно, я вижу, что здесь все прогнило, – но помогать крушить режим? Кто придумал эту всю перестройку? Кому она была нужна? Вот и ГДР мы потеряли.

– Это не наше дело, Рохас, – терпеливо напомнил связной, – наша задача – заменить Чаушеску на менее одиозного и лояльного к нашей стране человека. Центр уже ищет такую кандидатуру. Задача твоей группы предельно ясна – обострить ситуацию до предела, вывести ее из-под контроля, сделать неуправляемой со стороны официальных властей.

– Ладно, – презрительно сказал Рохас, – вы еще пожалеете, что с таким удовольствием крушили режимы собственных союзников. Эта теория Горбачева о социализме с человеческим лицом никогда мне не нравилась. Видел бы он, как у меня на родине стреляли сандинистов, как их сбрасывали с вертолетов. Он бы тогда не говорил о человеческих лицах. Ему было бы не до этого.

– Особенно опасайся китайской группы, – не стал обращать внимания на его слова связной, – они тоже действуют в Бухаресте достаточно активно и готовы помочь Чаушеску в случае необходимости. Командир группы – полковник Ли Сянь – имеет специальные полномочия по спасению четы Чаушеску. Будьте очень внимательны, они могут вам активно мешать.

– Я не совсем понял, вы предполагаете, что может произойти и физическое устранение супругов Чаушеску?

В ответ связной только пожал плечами.

– Наши аналитики не исключают и такой возможности.

– Понятно. Я вчера был в Музее личных подарков Чаушеску. Маразм какой-то, но есть еще много румын, которые в него верят. Вы учли этот важный момент?

– Наверно, да. У нас в аналитиках сидят тоже не дураки. Ваш новый связной, полковник Георгий Робеску, из школы безопасности. Его инструкции будут вам весьма полезны. Он один из самых близких людей директора школы безопасности Андрута Чаушеску, брата Президента.

– Он знает о нашей группе?

– Конечно, нет. В этой стране о вашей группе не знает никто, кроме меня. А я сегодня вечером возвращаюсь в Москву. Хотя нет, кажется, я ошибся. Знает генерал, ваш бывший учитель. Но он в Трансильвании, и я не думаю, что он когда-нибудь проговорится.

– Да, – впервые за время разговора улыбнулся Бернардо, – наш генерал не из болтливых. Скорее он отрежет себе язык, чем начнет что-либо рассказывать. Его очень правильно называют «Чиновником», за пунктуальность и аккуратность. Кроме того, он был лучший учитель, который мне встречался за все время работы в КГБ. Самый лучший, настоящий профессионал.

– Поэтому вы двое теперь в Румынии, – напомнил связной, – и от вас теперь зависит очень многое.

– Передай в Москву, – недовольным голосом ответил Бернардо, – моя группа готова к выполнению любого задания. В конце концов, для этого нас и готовили. Если понадобится похитить самого Чаушеску, мы готовы выполнить и это задание. Хотя, судя по надвигающимся событиям, мы скорее должны будем спасти Чаушеску, вывозя его в нашу страну. Надеюсь, наши аналитики четко просчитали все варианты?

– Можешь не беспокоиться. Мы всегда считаем на десять лет вперед, – очень самоуверенно ответил связной.

Когда менее чем через два года распался СССР, Бернардо часто вспоминал эти слова. Но это было потом...

Глава 2

Самолет испанской авиакомпании «Иберия» летел почти пустым. Как и повсюду в Европе, на рейсе была своя ожесточенная конкуренция, и каждая авиакомпания стремилась пополнить свои ряды новыми клиентами. Но на маршруте Стамбул – Барселона – Мадрид в этот день в салоне самолета было десятка два пассажиров.

Бернардо летел в Мадрид. Он уже был однажды проездом в этом великолепном городе и теперь, собираясь туда, помнил о своей давней мечте погулять по испанской столице. Может, в нем пробуждались какие-то волнующие душу мотивы, связанные с языком или генной памятью предков. Испания – небольшая страна, сумевшая в средние века бросить вызов времени и пространству и ставшая самой крупной в истории человечества империей, распространившей свое влияние и свой язык на всю территорию земного шара. Христофор Колумб, Фернандо Магеллан и Америго Веспуччи поведут испанские галеоны в новые земли, открывая мир для Испании и всей Европы.

Отсюда начнется завоевание мира, отсюда начнется триумфальное шествие испанского языка, отсюда начнется утверждение христианства по всей планете. И здесь на долгие века, словно в наказание за гордыню, воцарится ночь инквизиции.

В Европе, да и во всем мире существует лишь несколько городов, способных соперничать с Мадридом. Города-музеи Италии, город влюбленных – Париж, изумительные в своем очаровании и красоте Будапешт, Краков, Брюгге. Своеобразные Буэнос-Айрес и Сан-Франциско – вот, пожалуй, и все памятники красоты человеческой цивилизации. Одним из наиболее ярких и величественных памятников человеческому гению можно считать и столицу Испании.

Город чем-то похож на роскошно одетого кабальеро. Пышные кружева зданий, вызывающая красота роскошных дворцов, величественная монументальность Виа Гранде, дерзкая, вычурная и праздничная атмосфера на площадях и проспектах города, радостное веселье в ресторанах и кафе Мадрида. Здесь не так тихо и приглушенно, как в Париже, здесь любят буйные краски и громкую речь. Если Париж – город для влюбленных, то Мадрид – город для праздников и карнавалов. Словно однажды начавшаяся сиеста не прекращается в этом городе никогда.

Бернардо остановился в отеле «Калифорния», расположенном прямо на Виа Гранде – одной из самых шумных и самых оживленных улиц города. И хотя в самом здании размещались два отеля – «Америка» и «Калифорния», тем не менее окна последнего выходили во внутренний дворик и в номерах было относительно тихо. Оставив свои вещи в номере, он в первый же вечер гулял по городу, наслаждаясь родной речью и царившей на улицах города праздничной атмосферой. Он впервые попал в стихию родного языка с тех пор, как покинул Никарагуа.

Тогда, в конце семьдесят девятого, двадцатилетним парнем он впервые попал в страну развитого социализма. Это были словно ожившие картинки того чуда, о котором они мечтали у себя на родине. Здесь не было эксплуатации, не было миллионеров-латифундистов, не было нищеты и бесправия. В этом мире все были счастливы и здоровы. Только много лет спустя Бернардо понял, что за фасадом показного благополучия скрывалась обыкновенная демагогия, неустроенность простых людей и эксплуатация веры человека в счастливое будущее. Но до прозрения было еще далеко. Такие кадры, как Бернардо Рохас, были просто находкой для Первого главного управления КГБ СССР, готовившего нелегалов для проведения операций в странах Латинской Америки. Потерявший всю свою семью, оторванный от Родины, молодой человек был прекрасным материалом для создания профессионального разведчика высокого уровня. Поначалу на Рохаса претендовали даже три отдела ПГУ – второй, одиннадцатый и двадцатый. Второй отдел занимался Латинской Америкой, одиннадцатый – социалистическими странами, а двадцатый – развивающимися странами. При желании Никарагуа можно было отнести

к любой из категорий этих стран, и все три отдела начали негласную борьбу за такой перспективный материал. Но, как обычно и бывает в подобных случаях, приз не достался никому. Вмешалось управление «Т», осуществляющее активные действия за рубежом, и Рохаса начали готовить как преемника Карлоса-Ильича, уже успевшего отличиться за рубежом.

Управление «Т» Первого главного управления КГБ СССР традиционно занималось активными действиями за рубежом, готовя потенциальных террористов и диверсантов. Рохасу, правда, немного не повезло. Подготовка заняла семь лет, и, когда он наконец был готов к выполнению любого задания, выяснилось, что в мире произошло резкое изменение климата.

Начавший перестройку Михаил Горбачев и не подозревал, что пик активности деятельности КГБ пришелся на его первые годы правления, которые были отмечены наиболее выдающимися успехами Комитета государственной безопасности. Именно тогда были завербованы сразу несколько очень перспективных американских агентов, в том числе и в ЦРУ. Именно тогда была практически полностью разгромлена разведывательная сеть английской и американской разведок в СССР. А французская разведка получила такой страшный удар, от которого она не смогла оправиться более никогда, не сумев даже в обстановке воцарившегося после развала СССР хаоса восстановить свои былые позиции.

Первой зарубежной командировкой Рохаса стала поездка в восемьдесят седьмом году в Афганистан. Тогда считали, что все офицеры управления «Т» должны проявить себя в реальной боевой обстановке, которую невозможно смоделировать на полигоне. Бернардо не просто провел три месяца в Афганистане, он сумел отличиться в этой стране, получив досрочно звание капитана. Потом была Ангола. К этому времени он владел уже пятью языками, освоив русский, английский, португальский и румынский.

В Анголе довольно активно действовали кубинские инструкторы, говорившие на его родном испанском языке. И ему было совсем не трудно выдавать себя в Анголе за очередного кубинского советника, так безупречно владеющего еще и местным португальским языком. Советские советники иногда в его присутствии, не стесняясь, обменивались последними новостями, потешаясь над своими «черномазыми» союзниками, даже не подозревая, что Бернардо Рохас прекрасно понимает не только их слова, но и различает отборный русский мат, который был недоступен иностранцам, изучающим русский язык по книгам Толстого и Чехова.

Из Анголы он вернулся в восемьдесят восьмом и был награжден орденом за побег из плена. Это было частью плана советской разведки на юге Африки. По просьбе девятого отдела ПГУ, занимавшегося проблемами англоязычных стран Африки, в том числе ЮАР и Намибии, он должен был выяснить местонахождение трех советских офицеров, захваченных в ходе наступления антиправительственной группировки УНИТА Жонаса Савимби. Бернардо не только прекрасно справился с порученным ему делом, но и вывел одного из этих офицеров в Анголу, сумев уйти от преследования. Советского офицера за побег из плена принимал и награждал сам Президент Анголы, лидер МПЛА Жозе Эдуарду душ Сантуш, а действительно совершивший подвиг Бернардо Рохас в это время получал в одном из кабинетов ПГУ КГБ свою награду, равнодушно наблюдая, как орден прячут в сейф заместителя начальника управления. Такими были правила игры, и он их всегда соблюдал.

И наконец, в восемьдесят девятом была Румыния. В октябре его группа должна была лететь в ГДР, но по неизвестным причинам приказ был отменен в последний момент. Очевидно, ставший Председателем КГБ Владимир Александрович Крючков так и не решился в последний момент на проведение активных операций в зоне Восточной Германии. К этому времени из ЦК КПСС была уже выведена большая группа старых партократов, а сам Крючков стал членом Политбюро ЦК КПСС. Будучи осведомленным о планах Горбачева по созданию Президентского Совета и введению в стране должности Президента СССР, Крючков беспокоился прежде всего за свою судьбу, опасаясь предпринимать какие-либо действия, идущие вразрез с генеральной линией партии.

Даже позднее, в августе девяносто первого, когда он станет фактически одним из главных действующих лиц по созданию ГКЧП, то и тогда Крючков не решится на активные действия. Скажется вся его предыдущая биография «вечного помощника», привыкшего считаться с мнением начальства. Еще в 1955 году в Венгрии он был фактическим помощником посла Андропова, работая при нем третьим секретарем посольства. С 1959 года он становится референтом отдела, которым руководит Андропов, а с 1965 года – помощником секретаря ЦК КПСС Ю. Андропова. Вместе со своим любимым шефом он переходит и в КГБ, где через девять лет становится начальником ПГУ и заместителем Председателя. И наконец, в восемьдесят восьмом году, когда Чебрикова переводят Секретарем ЦК КПСС, Крючков становится Председателем КГБ СССР.

Лично знающий его Михаил Горбачев не сомневается, что этот «вечный помощник» Андропова будет верным союзником. Но здесь происходит странная метаморфоза. Привыкший всю свою предыдущую жизнь находиться при сильном лидере, Крючков просто не может перестроиться в силу своего характера. Он по-прежнему всего лишь «вечный помощник» и даже в решающие дни августа девяносто первого он колеблется, чего-то ждет, выжидает. Ему не хватает четких указаний, которых он наверняка не мог получить от невзрачного Янаева.

Руководитель самой крупной и самой грозной спецслужбы мира по привычке ждет руководящих указаний. И, не получая их, вынужденный принимать впервые в жизни самостоятельные решения, невольно пасует, теряет темп и в конечном итоге проигрывает свою жизнь и то дело, в которое он так неистово верит. Крючков был, безусловно, честный, порядочный человек, искренне верящий в идеалы социализма. Но синдром «вечного помощника» так и не позволил ему стать в решающий момент лидером огромной страны.

В сентябре восемьдесят девятого он был избран членом Политбюро ЦК КПСС, а уже через полтора месяца начались волнения в Восточной Германии. Вынужденный выполнять указания Генерального секретаря ЦК КПСС, он, сжав зубы, наблюдает, как рушится Берлинская стена и Советский Союз теряет своего самого главного и самого верного сторонника в Европе – социалистическую Германию Эрика Хонеккера.

Но в Румынии обстановка совсем другая. Горбачев никогда и не скрывал своих антипатий к румынскому лидеру. Вот прекрасное место, где можно в полной мере продемонстрировать весь потенциал КГБ, и Крючков не колеблясь отдает приказ о переброске группы «Маркиза» Бернардо Рохаса в Румынию. За день до этого в Румынии уже развернута группа «Чиновника», готовая начать активные действия в Трансильвании. На примере Румынии новый член Политбюро готов демонстрировать верность идеям социализма и перестройки одновременно. Пока это еще не совсем разные понятия. Пока перестройка идет в русле улучшения социализма. И хотя в Тбилиси уже прозвучал первый тревожный сигнал, хотя в Литве все сильнее антиправительственный «Саюдис», а в Баку власть фактически переходит в руки Народного фронта, Владимир Крючков готов действовать.

Тогда в Румынии Рохас впервые понял разницу между официальными постулатами провозглашенного социализма с человеческим лицом и реальными операциями, в которых они должны демонстрировать свое умение и мастерство. Политика не терпит штампов идеологии и всегда исходит из реалий сегодняшнего дня. Во имя конкретной политики, во имя достижения цели можно отбросить любую идеологию, ибо в конечном итоге действенная политика и есть лучшая идеология.

Теперь, спустя пять с половиной лет, в Мадриде полковник уже российской разведки Бернардо Рохас готов выполнить новое задание своего руководства.

По паспорту он Гильермо Урбьета, коммерсант из Мексики, чьи документы не вызывают сомнений. Два дня он должен жить в отеле «Калифорния», ожидая связного. И лишь встретившись с ним и получив подтверждение, может переехать в другой отель, чтобы встретиться

наконец со своей любимой супругой Инес Урбьетой, с которой они и отправятся вместе домой, чтобы уже в Мексике получить кубинские визы для въезда в страну.

Задание, полученное им в Центре, сформулировано достаточно четко – выйти на связь с нужными людьми и помочь в проведении террористического акта против одного из лидеров Кубы. Разумеется, ему не объясняют, зачем это нужно и в чем провинился конкретно этот человек. Это не его дело. Бернардо пока не знает всех деталей предстоящей операции, да ему и не полагается знать. В их деле очень важна дозированная информация, необходимая только для успешной работы. Иначе знание обильного материала начинает давить на агента и мешает сосредоточиться на выполнении своих прямых обязанностей. Кроме всего прочего, это еще и небезопасно.

Сегодня утром он получил у портье переданный для него конверт. Там всего лишь билет на сегодняшнее вечернее представление корриды. Бернардо знает, что рядом с ним окажется нужный человек и среди восторженных криков горячих почитателей корриды он сумеет разобрать слова и прибывшего из Мексики связного, с которым он должен обговорить необходимые детали предстоящей операции.

В половине четвертого Бернардо вышел из отеля и, спустившись по Виа Гранде, нашел офис туристического агентства, от которого каждые полчаса отправлялись автобусы с экскурсиями по городу. Узнав, какой автобус едет на корриду, он занял место, и через несколько минут экспресс уже двигался в северо-восточном направлении, где был расположен один из самых известных стадионов, на котором происходила коррида.

Вокруг стадиона двигались толпы людей. Всюду слышались смех, оживленная речь, сопровождаемая энергичной жестикуляцией темпераментных испанцев. Продавались различные сувениры: поверженные миниатюрные быки с торчащими из хребта пиками, фигурки Дон-Кихота и его верного Санчо Пансы, даже игрушечный медведь, являвшийся символом Мадрида.

При желании прямо при вас изготавливалась специальная афиша, куда особыми штампами вписывалось ваше имя вместо имени прославленного матадора, и вы могли, вернувшись на родину, демонстрировать это своеобразное проявление собственного тщеславия. Торговля афишками шла наиболее бойко, спекуляция на человеческом тщеславии приносила вполне определенную прибыль. Впрочем, эксплуатация обычных человеческих слабостей и есть движущий стимул любой торговли.

Бернардо с интересом наблюдал за спешившими на корриду испанцами. Здесь было и много иностранцев, прибывающих в Мадрид специально для просмотра знаменитой корриды, воспетой Пикассо и Хемингуэем.

Он прошел мимо строгих кассиров в фирменных темно-синих фуражках. На билете указывались сторона, ярус, ряд и место. Его направили в левую сторону от входа, через который он прошел. Внутри продавали картофельные чипсы и прохладительные напитки. По рядам ходили специальные официанты, предлагавшие желающим шотландское виски. И если продажей спиртного занимались солидные мужчины в определенном возрасте, то минеральную воду и кока-колу разносили бойкие мальчишки.

К пяти часам, когда коррида уже должна была начаться, стадион был заполнен почти до отказа. Лишь в нескольких ярусах, расположенных прямо за воротами, откуда выходили участники корриды, виднелись пустые места. Перед тем как пройти к своему месту, Бернардо взял небольшую темную подушечку, на которой удобнее было сидеть. Сами ярусы были сделаны из камня и сидеть на них без подушек было довольно жестко. Бернардо сел на свое место, оглядываясь вокруг. Не заметив ничего подозрительного, он терпеливо принялся ждать связного, понимая, что тот может появиться в любую минуту.

Справа и слева от него места не были заняты. Наверху заиграл оркестр. Дирижеру аплодировали так, словно это был фон Караян или Стравинский. Заиграла музыка, открылись ворота,

и на арену начали выходить традиционно одетые в свои яркие одеяния участники предстоящего зрелища. Толпа встретила их криками восторга; многих матадоров и тореадоров в Испании не просто знали в лицо, но и любили как национальных героев.

У входа появилась высокая брюнетка в белом строгом костюме в сопровождении высокого, атлетически сложенного мужчины. Один из служащих стадиона проводил их на свои места. Они сели в трех рядах от Бернардо, и он видел четкий профиль женщины, крепко сжатые губы, небольшой нос с едва заметной горбинкой, упрямый подбородок. Она была в темных очках, защищавших ее от солнца. И лишь опустившись на свое место, она сняла очки. В эти ярусы солнце не светило, оно было за спинами сидевших. Выходившие участники корриды шли лицом к солнцу и лишь затем, вступая в поединок, становились к нему спиной, встречая быка.

Открылись ворота, и на арену выбежал резвый бычок под одобрительные крики присутствующих. Бернардо, впервые оказавшийся на таком зрелище, почувствовал, как начинает волноваться. Навстречу быку вышли тореадоры. Из ворот выехали и два пикадора на лошадях, которые должны были отгонять быков длинными пиками. Первый акт представления начался. Рядом с Бернардо по-прежнему никого не было.

Тореадоры начали демонстрировать свое умение, искусно доводя животное до бешенства. Красный платок в их руках служил немедленным сигналом для быка к нападению. Гибкие и внимательные тореадоры причудливо изгибались, пропуская разъяренное животное почти рядом с собой, красиво манипулируя красными платками перед самыми глазами животного. Дважды бык напал на стоявшего у ворот пикадора, пытаясь опрокинуть лошадь с всадником. Чтобы лошадь не сбросила всадника, испугавшись грозного вида нападавшего быка, ей завязывали глаза перед выходом на арену. Кроме того, ноги всадника были надежно защищены металлическими сапогами, а на лошадь была надета прочная кожаная попона, позволяющая выдерживать удары рогов разъяренного быка. Во время нападения пикадор наносил удары своей пикой, традиционным длинным копьём, еще больше раззадоривая животное, доводя его до состояния настоящего бешенства. Заиграла музыка, и пикадоры на своих лошадях покинули арену. Вместо тореадоров на арене появились бандерильеро. Они держали в руках две маленькие пики, которые должны были воткнуть в спину животного. В этот момент Бернардо почувствовал, как сзади кто-то пробирается к его месту. Он обернулся. Рядом опустился пожилой человек, лет шестидесяти, с нездоровым, землистым цветом лица.

– Я перепутал свое место, – показал на верхний ряд старик.

Бернардо ничего не ответил. Справа место от него по-прежнему пустовало.

Искусство бандерильеро – это искусство терпения. Нужно стоять прямо, чуть изогнув корпус с высоко поднятыми руками, и спокойно ждать, когда на тебя несется разъяренный бык. Настоящий мастер только в последний момент чуть изгибает спину и пропускает животное, втыкая ему в хребет свои высоко поднятые пики-бандерильи, концы которых обычно украшены различными разноцветными лентами, позволяющими наглядно судить о мастерстве самого бандерильеро. Обе пики должны прочно застрять на спине животного, причиняя ему боль и мучения.

– Как погода в Стамбуле? – спросил вдруг старик, не отрываясь от зрелища.

Бернардо вздрогнул, посмотрел по сторонам.

– Погода хорошая, только дожди идут в последнее время, – ответил он условную фразу, уже не сомневаясь, что рядом с ним сидит его новый связной.

– Меня зовут Мануэль, – представился старик, – как зовут тебя, я знаю. Ты даже не смотрел по сторонам, это хорошо.

– Просто я сразу все понял, – ответил Бернардо, – на корриде нельзя перепутать место. Ведь каждого посетителя проводят к его месту служащие стадиона. Это я успел уже заметить.

– Правильно, – чуть улыбнулся Мануэль, – но не обязательно. Я мог перепутать свой ярус и спуститься сверху, такое тоже бывало. А ты наблюдательный, это хорошо.

– Мне как раз не хватало вашей похвалы, – раздраженно заметил Бернардо. На арене очередной бандерильеро успешно демонстрировал свое мастерство. Несчастное животное, уже получившее шесть ударов в спину, истекало кровью. Разноцветные пики, торчавшие над быком, придавали всему происходившему какой-то фарсовый, трагикомический характер.

– Вы привезли мне необходимые бумаги? – спросил Бернардо.

– Конечно, пакет у меня с собой, я его потом вам передам. Все бумаги и документы настоящие.

– Надеюсь, – пробормотал Бернардо.

Наверху дирижер снова взмахнул руками, и заиграла музыка.

Начинался третий акт корриды. На арену вышли матадоры.

– Ты знаешь, в какой отель ты должен переехать? – спросил Мануэль.

– Мне сказали, что где-то в центре города.

– Правильно, переедешь в «Палас-отель», это недалеко от Испанского Национального Банка, прямо рядом с музеем «Эль Прадо».

– Да? – удивился Бернардо. – Как это наши старики решили разориться на такой отель.

– Там ты должен встретиться со своей женой, – снова проигнорировал его нахальное замечание Мануэль, – и вместе с ней выехать в Мексику. Билеты вам уже заказаны. Она в курсе всего происходящего. Вы проведете два дня в Париже и вылетите в Мексику. Учти, Инес знает только, что ты российский разведчик. Подробности операции ей неизвестны.

– А спать с ней можно? – спросил Бернардо, только чтобы вывести старика из равновесия.

– Можно, – немного подумав, ответил Мануэль, – но не нужно. Если, конечно, она сама не захочет. Ты знаешь, куда ты полетишь в Мексике? В ее поместье. В ее настоящее поместье. Ты будешь играть роль своеобразного альфонса, никчемного петушка при очаровательной даме. Настоящая ее фамилия Инес Контрерас, она из богатейшей семьи Мексики. Только учитывая сложность нашего задания, мы решили использовать такой источник, как Инес. Она дважды до этого вылетала в Гватемалу, якобы для встречи со своим женихом, то есть с тобой. Поженились вы с ней еще в Гватемале месяц назад. По желанию молодоженов на свадьбе никого не было. У Инес несколько лет назад погиб муж, кстати, кубинский разведчик. Я думаю, ты не будешь теперь настаивать сразу лечь с ней в постель. Кроме того, ее сыну уже девятнадцать лет.

– Не буду, – пробормотал Бернардо, – значит, мне придется жить со старухой. Какой ужас. Только вдовы мне не хватало.

– Вот она сидит, в той стороне, – показал на молодую женщину в белом костюме Мануэль, – если она старуха, то я ничего не понимаю в женщинах.

Ошеломленный Бернардо посмотрел на уже понравившуюся ему женщину.

– Сколько ей лет? – шепотом спросил он.

– Она настоящая старуха. – Мануэль умело брал реванш за все сказанное. – Ей всего тридцать шесть. У нас в Америке рано выходят замуж. Тебе следовало бы лучше знать местные условия того региона, куда тебя отправляют. Хотя по-испански, нужно отдать тебе должное, ты говоришь чудесно, даже с каким-то центральноамериканским акцентом. Так говорят обычно крестьяне Сальвадора или Никарагуа.

Бернардо промолчал. Глупо доказывать связному, что он и вырос среди крестьян Никарагуа. А с «женой» ему повезло, даже очень повезло.

На арене матадор, пытавшийся убить быка одним ударом, чуть поспешил, шпага, ударившись об спину быка, вошла недостаточно глубоко, и бык, истекая кровью, продолжал оставаться на ногах.

– А нельзя переехать прямо сегодня? – спросил Бернардо.

– Нельзя, – строго ответил Мануэль, – ты находишься сейчас в Гватемале и появишься в Мадриде только через два дня.

– И кто сидит теперь рядом с ней? – чувствуя какую-то непонятную ревность, спросил Бернардо.

– Это начальник ее личной охраны, – пояснил Мануэль, – его зовут Альфредо Баррос, очень неприятный тип. Конечно, он ничего не знает, но, думаю, заочно тебя очень сильно ненавидит. Тебе, должно быть, это приятно?

– Ладно, – облизнул губы Бернардо, – с ним мы тоже выясним все отношения.

– Не советую, – спокойно заметил Мануэль, – он раньше работал в полиции Мехико, очень подготовленный тип.

Матадор нанес наконец свой второй удар уже тяжело раненному быку, и тот упал на колени. Подскочивший помощник матадора ладонью ударил по торчавшей из спины животного рукояти второй шпаги. На этот раз бык зашатался и упал. Недовольные зрители свистели, у несчастного животного изо рта шла кровь. Он дернулся несколько раз и умер.

– И что здесь интересного? – пожал плечами Бернардо. – Столько шума из-за убийства несчастного животного. У быка не было ни одного шанса.

– Ну почему, – возразил Мануэль, – на этой арене было убито достаточно много матадоров, есть ведь статистика.

– Я говорю только то, что вижу, – с раздражением ответил Бернардо, заметив, как начальник охраны что-то говорит его «жене» и та согласно кивает головой, – это настоящее убийство. Не нравится мне ваша коррида. В Мексике ее, кажется, тоже любят.

– Это национальный вид спорта, – пожал плечами Мануэль. Под звуки музыки на голову быка надели веревку, и выбежавшая резвая тройка лошадей унесла волочившуюся по песку тушу животного за собой. Опять заиграла музыка, и на арену выбежал второй бык. Все повторилось сначала. Снова появились пикадоры и тореадоры.

– И так без конца до конца, – по-русски сказал вдруг Бернардо.

– Что? – не понял Мануэль.

– Ничего, просто мне неприятно это зрелище на арене. Фиглярство и смерть. Противопоставленный симбиоз.

– А Хемингуэй, – напомнил Мануэль, – ему нравилось.

– В таком случае мне перестал нравиться сам Хемингуэй. Может, раньше в этом и была какая-то своя красота, а сейчас я не вижу ничего, кроме расчетливого и хладнокровного убийства. На быка нападают сразу пять-шесть человек, у него нет никаких шансов. – Он посмотрел на Инес. Она внимательно следила за происходившими на арене драматическими событиями.

Этого быка убивали еще более мучительно и трудно, чем первого. Очередной матадор снова промахнулся, и быка трижды били кинжалом между глаз, пытаясь добить. Весь обливаясь кровью, бык изо всех сил боролся за свою жизнь, пока наконец не захрипел и не свалился набок. Но даже лежа на песке, он еще открывал и закрывал глаза, пока наконец очередной удар кинжала не добил его.

Бернардо заметил, с каким холодным равнодушием следила за убийством быка его «супруга». Он невольно поморщился.

– Давайте ваш конверт, – недовольно сказал он Мануэлю, – мне не хочется здесь больше оставаться.

Под звуки музыки на арену выбежал третий бык.

* * *

Министерство обороны СССР
Архивный фонд
Особо секретный фонд
Документ особой важности
Выносить из здания не разрешается
Копий не снимать.
Вскрыть только с согласия начальника Управления

ДЕЛО АГЕНТУРНОЙ РАЗРАБОТКИ

8796

«ГОСПОДАРЬ»

№ 4

Источник уточняет затребованную информацию по наиболее видным деятелям оппозиции, находящимся легально в Румынии. Ион Илиеску. Родился 3 марта 1930 года в г. Олтенице уезда Илфов. В 1951 году закончил Бухарестский политехнический институт, два года учился в Москве. С 1953 года – член РКП. С 1957 года – депутат Великого национального собрания. В 1956–1960 годах – секретарь. Председатель Союза студентов. С 1967 года – первый секретарь ЦК Союза коммунистической молодежи и министр по делам молодежи. С 1968 года – член ЦК РКП. С 1971 года – секретарь ЦК РКП. С 1974 года – первый секретарь комитета РКП в уезде Яссы, затем секретарь РКП в уезде Тимиш. С 1979 года – председатель Национального совета водного хозяйства, член правительства Румынии, член Государственного совета Румынии. В 1984 году за выступления против режима Чаушеску выведен из состава ЦК партии и правительства Румынии. Тогда же лишен статуса депутата. В настоящее время директор бухарестского издательства научно-технической литературы.

Силвиу Брукан родился 18 января 1916 года в Бухаресте. Профессиональный дипломат. Профессор. В 1956–1959 годах – Чрезвычайный и Полномочный посол Румынии в США. Одновременно в 1957–1961 годах – постоянный представитель Румынии при ООН. Во время правления Чаушеску был отстранен от активной дипломатической работы. В 1986 году в числе шести наиболее видных деятелей оппозиции направил письмо Президенту Румынии Чаушеску, в котором обвинял его в порочных методах насаждения социализма в стране и развале народного хозяйства. В настоящее время на пенсии, под надзором сотрудников государственной безопасности.

3 декабря 1989 года

№ 5

Источник сообщает, что начавшиеся волнения в Трансильвании серьезно беспокоят правящие круги Румынии. На проведенном в Бухаресте совещании Президент страны потребовал от всех руководителей обеспечения порядка любой ценой. Вооруженным силам и внутренним войскам разрешено применение оружия.

10 декабря 1989 года

Воспоминания

Трагические события в Трансильвании, где режим Чаушеску впервые применил вооруженные и полицейские части против собственного народа, всколыхнули всю страну. Революции нужен был лишь повод, и она его получила. Объективных причин было более чем достаточно. Одной из субъективных причин стали действия группы «Чиновника» на северо-западе Румынии. Примкнувшие сначала к полицейским частям люди «Чиновника» открывали огонь по безоружным манифестантам, провоцируя их на новые выступления против существующего порядка. Ненависть к режиму подпитывалась почти ежедневными сообщениями о якобы имеющих место зверствах сотрудников безопасности. В группе «Чиновника» было сразу несколько опытейших мастеров дезинформации. При любом тоталитарном режиме средства массовой информации – печать, телевидение, радио – находятся под строгим надзором государственной цензуры. И образуется часто возникающий парадокс. Чем сильнее официальная цензура, чем многочисленнее запреты, тем легче передаются обычная устная информация, сплетни, ложь, анекдоты, в том числе и массовая дезинформация. Выводя формулу дезинформации, можно считать, что ее успех обычно складывается из двух противоположных начал – строжайшего запрета на особую информацию, а любое действие, как известно, рождает противодействие естественной любознательности индивида к запретному плоду объективной информации. При таком раскладе, когда никто не верит в официальные сообщения, массовая дезинформация становится обычным явлением, а невероятные слухи плодятся во множественном числе.

В самом Бухаресте начались волнения среди студентов и молодежи. Чаушеску все еще не хотел верить, что это конец. По его приказу на грандиозный митинг в Бухаресте сгоняются сотни тысяч людей. Райкомы по разнарядке закрывают крупнейшие промышленные объекты, сгоняя рабочих и служащих на официальный митинг. По решению Президента страны в этом массовом мероприятии должны участвовать все, без исключения, патриоты страны. В подобной ситуации проявить нелояльность к властям – для многих все еще неразрешимая дилемма.

В этот день утром Бернардо наконец получает конкретное задание. Его сотрудники должны начать активные действия по сигналу связного из Центра полковника службы безопасности Георгия Робеску. Последние часы правления семейной четы Чаушеску подходят к концу, но ни сам Президент, ни его жена, ни их братья, занимающие высшие государственные посты, ни их дети, также занимающие достаточно приятные должности, и не подозревают, что конец будет стремительным и кровавым.

В остальных социалистических государствах как-то удавалось обойтись без насилия, даже приход к власти деятелей «Солидарности», когда-то репрессированных генералом Ярузельским в Польше, и то не вызвал никаких особенных последствий. Проигравшие коммунисты покорно отдают власть, а победители, кажется, и не собираются вспоминать о мщении.

В Германии, где противостояние было особенно жестоким, и не только внутри страны, тоже ничего особенного не происходило. Рухнула Берлинская стена, счастливые немцы плясали на ее обломках под дружеские приветствия всего мира. Хонеккер добровольно ушел в отставку, а «немецкий Горбачев» Эгон Кренц оказался всего-навсего мелким заурядным чиновником, волею случая вознесенным на вершину власти. У него не было ни твердых принципов Хонеккера, ни даже идеологических убеждений, как у его преемника Грегора Гизи. Все происходит спокойно, без насилия и крови, и это как-то успокоило самого Чаушеску. В самом крайнем случае, считает он, его просто отправят на пенсию. Но даже на пенсию не хочет уходить этот крестьянский сын, имеющий высшую власть в стране. Его не убедят никакие манифестации, никакие волнения. Если понадобится, он сумеет доказать всему миру, что он не Горбачев и не Хонеккер. Он даже не Ярузельский. Пули и штыки помогут удержаться на троне, когда нет других вариантов. Чаушеску привык рисковать. Когда в шестьдесят седьмом Израиль

начал свою быструю войну против арабов, весь социалистический мир с подачи Советского Союза осудил начавшуюся агрессию и разорвал свои отношения с Израилем.

Тогда он впервые пошел наперекор мнению Москвы. Осудив начавшуюся войну, он тем не менее не разорвал дипломатических отношений с Израилем, вызвав явное недовольство Москвы. Через год, когда кремлевские стратеги решили наказать Чехословакию, Чаушеску, опять наперекор общему мнению, не посылает войска на подавление «пражской весны», не разрешает румынской армии участвовать в этом позорном мероприятии.

Конечно, он преследует при этом прежде всего свои цели, считая, что румынская армия не должна быть сильно интегрирована в структуру стран Варшавского Договора. И если де Голль занимает демонстративно изоляционистскую политику по отношению к НАТО и даже выводит свою страну из организации, то Чаушеску пытается делать то же самое на Востоке.

Он привык рисковать и теперь не собирается уступать. Его очень волнуют события, происходящие в мире. Особенно его тревожит непонятная политика Москвы. Последние два года он отказывается что-либо понимать. Возникает такое мнение, что Советский Союз просто решил сдать всех своих союзников, решил полностью демонтировать систему социализма. Но даже если это произойдет, здесь, в Румынии, все должно остаться без изменений.

Как и все диктаторы, он считает, что всегда служил только своему народу. Конечно, он не диктатор, он всего лишь заботливый отец нации. Под его руководством Румыния достигла такого прогресса. Путем невероятного напряжения сил удалось выплатить весь национальный долг страны. Второго такого прецедента мир еще не знал. Правда, ради этого пришлось отключить электричество в домах собственных граждан, ограничивать вещание собственного телевидения, закрывать после десяти вечера все общественные заведения для сохранения электроэнергии. Страна погрузилась во мрак, люди начали недоедать, в магазинах исчезло привычное разнообразие, но Чаушеску, одержимый своей навязчивой идеей, продолжал свою политику. Долг он выплатил полностью, но ненависть в сердцах людей породил лютую.

И теперь, узнав, что волнения начались и в Бухаресте, он впервые несколько растерялся. Утром ему доложили о массовых выступлениях. Решение о митинге ему подсказала жена, и он, рассудив, что это единственный шанс продемонстрировать всей стране и всему миру стабильность власти, судорожно схватился за него.

Он не знал, что среди сотрудников его собственной безопасности уже действовали чужие агенты. Он не мог знать, что в этот день утром Робеску передал «Маркизу» подробное описание схемы включения микрофона на площади. Он и не предполагал, что за несколько минут до его выступления большинство микрофонов будут выведены из строя. Эффект был страшным и убийственным.

Перед народом выступал уже не грозный диктатор, четверть века правивший страной, а маленький человечек, нелепо и смешно размахивающий руками. Многие его не слышали, а лишь видели комичные судорожные движения его рук. И эффект клоунады и позерства, помноженный на общую ненависть в стране, дал свой немедленный результат. Митинг получился достаточно эффективным, но с отрицательным знаком. В стране, где даже нормально не работали микрофоны, чтобы обеспечить речь Президента, уже ничто не могло функционировать. В этот день началась революция.

Историки и политологи, экономисты и философы всегда обосновывают важнейшие причины любой революции, любого насильственного свержения существующей власти, но поводом к выступлению часто служат столь незначительные детали, что они забываются под грудой исторических фактов. В конце концов, кто сейчас помнит, что «бостонское чаепитие» вылилось в результате в революцию и привело к образованию через двести лет самого мощного государства на свете.

Глава 3

Это был последний день перед его переселением в «Палас-отель». Образно говоря, это был его последний «холостяцкий день» перед началом трудной операции. Сегодня он должен был впервые познакомиться со своей женой. По договоренности это должно было произойти в Толедо, древней столице Кастилии, расположенной от Мадрида в семидесяти километрах.

Он встал рано утром, тщательно побрился, стараясь водить лезвием достаточно осторожно, чтобы не пораниться. Он вдруг поймал себя на чувствах, заметив, что несколько волнуется. Это его даже развеселило. Бернардо, несмотря на свои тридцать пять, был холост. И в последний раз он так волновался перед свиданием лет пятнадцать назад. С возрастом приходит обретение сексуального опыта и какое-то перенасыщение, если, конечно, вы не собираетесь претендовать на лавры Дон-Жуана. Бернардо помнил, как обычно философствовал его наставник Сергей Чернов, более известный под именем «Чиновника». Собственно, «бабник», любил говорить Чернов на своих, часто очень поучительных, лекциях, – это редкая, почти вымирающая категория вечно голодных мужчин, получающих удовольствие прежде всего от наслаждения самой женщины. Только мужчина, способный доставить женщине всю гамму эротических чувств и не забывающий в эти минуты о себе, считал Чернов, может называться настоящим «бабником» в самом высоком проявлении этого слова. Но у настоящих профессионалов, всегда подчеркивал Чернов, сублимация их творческой работы заменяет им сексуальные отношения, и лучшие разведчики часто были гомосексуалистами и импотентами, безапелляционно заявлял Чернов, а на роль соблазнитель можно было подбирать слащавых красавчиков. Настоящий разведчик никогда бы не смог, подобно Джеймсу Бонду, заниматься любовью двадцать четыре часа в сутки и успешно выполнять свои сложные задачи. Или одно, или другое – слишком напряженная работа отнимала порой все силы. Штирлиц в этом случае достовернее Бонда, заканчивал «Чиновник» под смех курсантов свои лекции по эротике.

В Толедо он добрался на экскурсионном автобусе. Из рекламных проспектов он знал, что в городе они будут три часа. Поэтому многие туристы, выслушав первые обзорные лекции о городе, предпочитали ходить в одиночку по узким улочкам Толедо, кажется, сплошь состоящим из сувенирных магазинчиков и маленьких кафе.

Встреча была назначена в старом готическом соборе, расположенном в центре города. Строившийся более двухсот лет в тринадцатом – пятнадцатом веках, он был одним из самых великолепных памятников Толедо, являя собой шедевр мастеров раннего Возрождения. Рядом была пристроена галерея Эль Греко. Сюда был переведен Дом-музей великого испанца, расположенный ранее на окраине Толедо. Собор был виден в городе практически с любой точки, и его легко было найти.

Он вошел в храм с группой англичан и огляделся. Великолепие средневековой архитектуры потрясло воображение. Зодчие Средневековья словно бросали вызов современным мастерам, возводя величественные архитектурные сооружения, способные поражать воображение потомков спустя многие столетия после строительства.

Обойдя центральный алтарь, он поспешил налево, где должен был находиться знаменитый музей Эль Греко. Перед одной из картин, репродукцию которой ему дал вчера Мануэль, и должна будет состояться их встреча. Он все-таки волновался и от этого злился прежде всего на самого себя.

Бернардо вошел в музей. Первые несколько больших картин, увиденных им еще в маленькой комнате, служащей переходом к музею, не произвели на него особого впечатления. Они были слишком мрачными и темными. А потом он увидел почти все шедевры Эль Греко в большом зале. Впечатление было такое, словно все разом заговорили. Буйство красок, какие-

то неземные вытянутые лица, печальные глаза святых глядели на него со всех сторон. В этом зале можно было исповедаться, такие чувства вызывали картины знаменитого испанца.

Он стоял, ошеломленный внезапно потрясшей его красотой. Так длилось лишь несколько минут. Наконец, вспомнив, зачем он сюда пришел, Бернардо прошел в конец зала, где должна была находиться его репродукция. У картины стояла какая-то женщина. Не обращая на нее внимания, он встал перед картиной и только тогда услышал негромкий голос женщины.

– Вы Гильермо Урбьета?

Она даже не спрашивала, она утверждала, очевидно, ей давали его фотографии.

Он удивился. Эта женщина в черном совсем была не похожа на ту уверенную красавицу, которую он видел вчера. Женщина чуть повернула голову, и он узнал под черным платком четкий профиль лица.

– Да, – сказал он, – это я. Я вас сразу узнал, сеньора Инес.

– Мы с вами женаты уже месяц, – улыбнулась женщина, – не нужно говорить мне сеньора. Сразу называйте меня Инес, так будет правильнее. Быстрее привыкнете.

– Хорошо, я вас не узнал, сеньора... простите, Инес.

– Вы видели мои фотографии. Я обычно получаюсь на фотокарточках.

– Нет, я видел вас вчера на корриде.

– Да? – немного удивилась женщина. – А мне не сказали, что вы там будете. Теперь понятно, почему мне так советовали пойти на эту корриду. Видимо, Мануэль решил показать меня вам живьем. Ведь на встречу с вами пришел наверняка он сам, признайтесь.

– Верно, – пожал плечами Бернардо. – Пришел Мануэль. Старик лет шестидесяти пяти. С землистым цветом лица и очень цепкими глазами. Вы, видимо, работаете с ним не первый год.

Инес улыбнулась.

– Не первый. – Она больше ничего не сказала, а сам Бернардо решил не расспрашивать. Они вышли из зала.

– Вам дали билет из Гватемалы? – спросила Инес.

– Дали, конечно. И даже наше брачное свидетельство. Мне уже рассказали историю нашего знакомства и нашей свадьбы.

– Хорошо, – сказала женщина, – значит, вы все знаете. Завтра утром я приеду за вами в аэропорт. Мы немного опоздаем, и вы должны ждать нас у информационного бюро, там, где заказывают обычно отели для приезжающих иностранцев. Вам нужно позвонить и узнать, как вам лучше проехать к «Палас-отелю». Ехать конечно, никуда не нужно. Мы опоздаем минут на пять, не больше. Учтите, я буду не одна и все нужно разыграть очень четко. Начальник моей личной охраны очень внимательный человек.

– Я его видел.

– Да? – удивилась Инес. – Когда вы его могли видеть? Ах да, конечно. Вчера, на корриде. Мануэль все продумал отлично. Тогда тем более вы должны вести себя очень естественно.

– Для вас это так важно? – В его голосе прозвучал плохо скрытый сарказм.

– Для нас обоих это важно, – холодно отрезала Инес, и между ними незаметно возникла тонкая ледяная стена отчуждения. Бернардо решил сразу убрать все возникающие перегородки.

– Простите меня, – сказал он, – я несколько в необычной ситуации. Я до сих пор не женат и плохо представляю себя в роли семейного мужчины.

Она откинула платок на плечи, тряхнула головой, улыбнулась.

– Тогда вам не очень повезло. Я не самая лучшая супруга на свете.

– Будем считать, что я обрету необходимый опыт, – пробормотал Бернардо, – вы будете моей учительницей.

– Не надейтесь, – сразу ответила Инес, – у нас будут чисто деловые отношения.

– Я имел в виду не это.

– Неважно, мне казалось правильным сразу расставить все акценты. Думаю, вы со мной согласны?

– Я буду делать все, что вы мне скажете, – пожал плечами Бернардо, – я никогда не был ни в Мексике, ни на Кубе.

– Правда? – удивилась женщина, снова взглянув на него. – А вы довольно хорошо знаете испанский, я думала, вы мексиканец или кубинец.

– Нет. – Ему было даже смешно. Уже во второй раз ему говорят, что он слишком хорошо знает свой родной язык. Они вышли на площадь. Инес огляделась.

– Моя машина будет ждать меня внизу, на дороге. Там, где находятся ваши автобусы. Проводите меня, мистер Урбьета. Это ведь ваше настоящее имя, верно?

– Да, а вас действительно зовут Инес Контрерас?

Она снова улыбнулась. Но на этот раз не взглянула на него. Просто, глядя вперед на дорогу, тихо спросила:

– Вам разве не рассказывали обо мне?

– Совсем немного, – честно признался Бернардо, – и не так подробно, чтобы я не совершал ошибок. Я ведь никогда не был в подобных ситуациях, у меня всегда был несколько другой профиль.

– Понимаю. – Женщина показала на здание. – Вы знаете, что здесь находится одна из самых известных синагог в Европе?

– Нет, я впервые в Толедо.

– У меня складывается такое ощущение, что вы вообще впервые выехали за рубеж, – засмеялась женщина, – вы нигде до этого не были?

– В Испании не был, – ответил Бернардо, – а в других странах Европы был достаточно много.

Один из проходивших мимо туристов обратился на английском к Бернардо.

– Вы не подскажете, как пройти к католическому храму? Он должен быть где-то здесь рядом.

– Очень сожалею, – извинился Бернардо, – но я сам иностранец и не знаю дороги.

– Вам нужно пройти вниз и налево. Он будет сразу с левой стороны, – подсказала на хорошем английском Инес, и, когда любознательный австралиец отошел от них, она снова, уже в третий раз, внимательно посмотрела на Бернардо.

– Вы довольно хорошо знаете и английский, – сказала она, – кажется, мне повезло, у меня будет достаточно образованный супруг. Сколько языков всего вы знаете?

– Пять, – чуть поколебавшись, ответил Бернардо.

– Я знаю всего четыре, – улыбнулась женщина, – по-моему, вам удалось обойти меня на этом этапе, мистер Урбьета.

– Меня специально готовили, – напомнил Бернардо.

– Да, я помню, – кивнула Инес, – значит, завтра вы будете ждать меня там, где мы договорились. Вы помните всех моих родственников и знакомых, о которых я должна была вам рассказывать?

– Помню. Я внимательно читал все инструкции Мануэля.

– Мне он писал такие же, надеюсь, они идентичны. Правда, он не написал мне о вашем характере и ваших привычках. Очевидно, они считают, что мы сможем выяснить это в процессе общения.

– Возможно и так, но мне он написал, что вы любите верховую езду. У вас в поместье должна быть целая конюшня.

– Так и есть, – кивнула Инес, – что еще он обо мне написал?

– Разное. Вы, например, не любите купаться, даже в бассейнах. И терпеть не можете моря.

– Интересно, – внезапно покраснела женщина. – Он написал почему?

– Нет, он написал, что вы просто не любите, и все. – Бернардо почувствовал, что совершил какую-то ошибку, и решил тут же исправиться. – Там было очень много хорошего. И о вашей любви к животным, особенно собакам и кошкам. И о ваших увлечениях живописью.

– Надеюсь, – пробормотала Инес, – он же не мог писать обо мне только гадости. Впрочем, это не относится к делу. Нам нужно идти туда, вниз. Там обычно стоят все автобусы. На мосту мы с вами расстанемся.

– Хорошо. – согласился Бернардо.

Следующие сто метров они прошли молча. Каждый думал о чем-то своем. Женщина оценила его тактичность.

– До свидания, сеньор Гильермо Урбьета! – протянула она свою изящную, чуть вытянутую кисть руки Бернардо.

– До завтра, – пробормотал он, пожимая руку.

– Вы это делаете в последний раз, – вдруг отметила Инес, – в нашем обществе еще не столь строгие нравы эмансипации. В аристократических кругах Мексики до сих пор целуют женщинам руки на прощание, даже своим супругам.

– Простите, кажется, я опять ошибся.

– Ничего, – улыбнулась она на прощание, – это уже не так страшно. Я обратила внимание, как вы смотрели на картины Эль Греко. По-моему, мы с вами подружимся, мистер Урбьета.

Она кивнула ему и поспешила вниз, туда, куда уходила старая дорога из крепости.

Он посмотрел на часы. У него в запасе было еще полчаса времени, и он, вернувшись назад, сел за столик у небольшого кафе, попросив принести ему стакан вина. Судя по всему, предстоящий месяц будет совсем не медовым, это он уже отчетливо понимал. Инес была наблюдательной, опытной, зрелой, уверенной в себе женщиной со своими привычками и своим сложным характером. Мимо проходили туристы, спешила увешанная фотоаппаратами и видеокамерами японская группа. Кто-то даже щелкнул это кафе. Бернардо продолжал спокойно сидеть за столиком. До отъезда автобуса было еще пятнадцать минут.

Оказавшийся среди японской группы сотрудник пятого отдела Службы внешней разведки, занимающийся Испанией, сумел сделать достаточно четкий снимок Бернардо Рохаса за столиком. Через три часа он проявил снимок, на следующее утро снимки «Маркиза» с подробным описанием его встречи с Инес Контрерас легли на стол заместителя директора СВР, курирующего данное направление. Сотрудник пятого отдела был киргизом по национальности, и для него появление японской группы оказалось как нельзя кстати.

В его задачу входил контроль за действиями Гильермо Урбьеты на территории Испании. Инструкции, полученные из Москвы, строго предписывали не предпринимать никаких активных действий, фиксируя возможные перемещения «объекта». Для контроля за действиями «Маркиза» в Испании была задействована вся имевшаяся в распоряжении резидента СВР группа. Разумеется, их не посвящали в детали операции.

Бернардо, допив свой стакан вина, неторопливо заплатил деньги и пошел к автобусу. Ему не понравилось, что один из японских туристов так быстро и воровато щелкнул фотоаппаратом. Обычные туристы делали это неторопливо, выбирая объект, стараясь запечатлеть как можно более красивые места. Но этот незнакомец явно спешил. Бернардо спустился вниз по живописной дороге к мосту, проходившему над глубоким рвом, и оказался на улице перед своим автобусом. Еще не поднимаясь наверх, он сумел заметить, что щелкнувший его «японский турист» не стал подниматься в автобус со своей группой, а, быстро отойдя от нее, подошел к другому автобусу. Бернардо удовлетворенно кивнул головой. Он успел заметить все, что хотел. И поднялся в автобус. В эту ночь местная резидентура СВР потеряла наблюдаемый «объект». Он просто ушел из отеля неизвестно каким образом и растворился. Напрасно двое агентов обыскали не только его отель «Калифорния», но и расположенный в этом здании другой отель – «Атлантика». Гильермо Урбьета сумел уйти от наблюдения.

На следующий день незадачливый «японский турист» был отозван в Москву, а местный резидент получил выговор за свою нерасторопность.

Глава 4

Он с нетерпением огляделся вокруг. Парковка машин в центре города была обычной проблемой для всех работающих в этой части Вашингтона. Найдя наконец место дальше обычного, он припарковал свой «Фиат» и, выйдя из машины, раздраженно опустил деньги в автомат, отсчитывающий время нахождения его автомобиля на этом месте. Зачем все эти автомобили, с неожиданной злостью подумал он, если мы теряем столько часов в автомобильных пробках, а потом не находим места для парковки.

В таком взвинченном состоянии он вошел в здание, показал свой пропуск и, пройдя к лифту, нетерпеливо огляделся. Все было как обычно спокойно. Скрытые камеры наблюдения внимательно фиксировали его повышенную нервозность, и дополнительным усилием воли он взял себя в руки, шагнул в лифт.

Роджеру Робинсону шел сорок второй год. Это был один из лучших специалистов ЦРУ по странам Латинской Америки. Проведя полтора десятка лет в Аргентине, Чили и Колумбии, он справедливо считался незаменимым экспертом по любым вопросам, связанным с южными соседями Соединенных Штатов. В последние несколько лет он курировал Мексику, разрываясь между Мехико, Вашингтоном, Лэнгли и Сиэтлом, где жила его семья. Он даже привык спать в самолетах, чего раньше ему никак не удавалось.

В этот день он приехал по вызову Уильяма Брауна, руководителя специальной группы ЦРУ, занимавшегося вопросами координации действий с ДЕА, управлением США по борьбе с наркотиками. Роджера не удивила просьба о встрече, он слишком хорошо знал, как часто через южное направление в США переправляются наркотические вещества. И если Колумбия просто превратилась в центр мировой наркоимперии, то Мексика вполне могла считаться одним из регионов этой империи. Пользуясь несовершенной пограничной системой самой Мексики и подписанным совместно с Канадой и США соглашением о свободной торговле, колумбийские наркобароны перебрасывали свои грузы сначала в Мексику, а затем, под видом коммерческих товаров, на север. В подобных условиях очень большое значение имела предварительная работа в самой Мексике по обнаружению смертоносного зелья.

Робинсон был мужчиной среднего роста, довольно плотного телосложения. В его резких чертах отчетливо проявлялась кровь его матери – внучки испанских переселенцев. Выросший в Калифорнии, он с детских лет научился одинаково хорошо владеть английским и испанским языками. Сейчас, направляясь в кабинет мистера Брауна, он обильно потел, несмотря на исправно работающие кондиционеры. Роджер не любил носить строгие темные костюмы и галстуки, они его сильно стесняли. В рубашке и джинсах он чувствовал себя куда увереннее, даже среди контрабандистов.

Найдя нужный ему кабинет, он открыл дверь. Сухая строгая секретарша, лет пятидесяти, даже не улыбнувшись ему, молча показала на двери следующего кабинета. И лишь когда он сделал несколько шагов по направлению к этой двери, только уточнила:

– Мистер Браун вас ждет, мистер Робинсон.

– Спасибо. – Он вошел в кабинет.

На диване, справа от окна, сидели двое мужчин. Одного из них, низенького лысого толстячка, Робинсон знал давно. Это был сам хозяин кабинета мистер Браун. Второй, высокий широкоплечий незнакомец, внимательно посмотрел на него, блеснув стеклами своих изящных очков.

– Знакомьтесь, – вскочил Уильям Браун. – Это мистер Робинсон из Мексики, а это – мистер Марио Трентини из ФБР.

– Рад познакомиться, – протянул руку Роджер, чуть покривив душой: он не любил заносчивых и важных агентов ФБР.

Трентини только кивнул головой, крепко пожимая руку. Все трое расселись на двух больших диванах Брауна, стоявших полукругом.

– Мистер Робинсон только что прилетел из Мексики по нашей просьбе, – начал Уильям, – как я вам и говорил, он в курсе всего происходящего в этой стране. Иногда мне кажется, что Роджер может даже выдвигать свою кандидатуру на пост Президента Мексики, так хорошо и многосторонне он знает мексиканский народ и его привычки.

– Вы преувеличиваете, Уильям, – равнодушно ответил Робинсон, – знать всю Мексику невозможно. Это постоянно меняющийся вулкан. Наша страна более стабильна и предсказуема.

– Я бы не был столь категоричен, – сразу заметил Трентини.

Где только их выращивают, таких самодовольных, с неприязнью подумал Роджер.

– Мы вызвали вас из Мехико для консультации, – решил сразу начать Браун, – по нашим сведениям, из Колумбии скоро пойдет очень большой груз наркотиков.

– Опять? – удивился Роджер. – Ведь мы только недавно задержали отправку самолета в самой Колумбии.

– На этот раз груз не придет в Мексику. Он прямо из Коста-Рики пойдет на Кубу и уж затем через Мексику – к нам в страну.

– Насчет Кубы сомневаюсь, – сказал Роджер, – после расстрела де ла Гуардиа⁵ Фидель вряд ли позволит вторично использовать свой остров для переправки наркотиков. Да и международный скандал будет очень большой. Нет, в такую возможность я не верю.

– Придется поверить, – мягко произнес Уильям, – информация достаточно надежная. В этот раз груз пойдет снова с заходом в кубинский порт. Мы, правда, пока еще не знаем в какой.

– Это еще ничего не доказывает, – возразил Роджер, – нас вполне могут направить по ложному следу. Кастро пытается сегодня любым способом прорвать международную изоляцию и нашу экономическую блокаду. Недавно он даже был в Испании. В такой ситуации ему крайне невыгодно иметь неприятности с подобного рода грузами.

– В Гаване только что арестован Роберт Ли Веско, – мрачно сообщил Трентини, – это известный международный аферист и контрабандист. Мы разыскиваем его уже четверть века. Вот его фотографии. – Трентини положил на стол несколько фотокарточек.

– Прекрасно, – удивился Роджер, – вы только подтверждаете мои слова. Фидель очень жестко борется с контрабандистами. Не всегда нужно верить даже собственной пропаганде.

– Я не верю вообще ничему, – ответил Трентини, – я верю только фактам. – Он достал еще несколько документов из папки, лежавшей перед ним. – Роберт Ли Веско разыскивался ФБР с 1971 года за мошенничество, совершенное им в штате Нью-Джерси. Тогда ему удалось бежать через Багамы в Коста-Рику. Вот его фотографии с Президентом этой страны Хосе Фигерсом. Вскоре Ли Веско умудрился присвоить более двухсот миллионов долларов, обманув международный финансовый фонд «Инвестмент Оуверсиз Сервис». В Коста-Рике мы его взять не могли, но в 1982 году он переехал на Кубу. Тогда мы узнали, что он вместе с Карлом Ледером, бывшим главой Медельинского картеля, осуществлял поставку наркотиков из Колумбии через Коста-Рику в Мексику и США. Специальная группа ФБР готовилась вылететь за ним в Коста-Рику, но нас опередили. На Кубе мы его достать уже никак не могли.

– Ледер, по-моему, арестован и сидит в нашей тюрьме, – вспомнил Роджер.

– Да, и по-прежнему отказывается что-либо рассказывать. Но нам и без его показаний удалось выйти на след Ли Веско.

– Он слишком крупная фигура, чтобы просто спрятаться и залечь на дно, – добавил Браун.

⁵ Полковник МВД Кубы Антонио де ла Гуардиа вместе с тремя другими офицерами был приговорен летом 1989 года к расстрелу за помощь контрабандистам из Медельинского картеля.

– Ли Веско сумел договориться с кубинскими властями об обслуживании некоторых катеров и самолетов. По нашим сведениям, его наиболее близким человеком был расстрелянный полковник Антонио де ла Гуардиа. Но тогда Ли Веско не тронули. Видимо, он был кому-то нужен. А теперь вдруг его арестовывают. И обвиняют не в торговле наркотиками, а в том, что он «иностранный шпион», агент чужой разведки. Вы что-нибудь понимаете?

– Пока ничего, – не понял Роджер, – какой шпион, какой разведки? При чем тут это?

– Вот и мы хотим выяснить некоторые детали, – кивнул Трентини, – почему Ли Веско арестован именно сейчас? Почему нам его не выдают? Что за груз пройдет через Кубу? Для кого и почему он идет на Кубу? Куда он пойдет дальше? Эти вопросы нас очень волнуют.

– Понимаю, – задумчиво сказал Роджер, – теперь постарайтесь объяснить мне, почему вы вызвали именно меня. Что-нибудь замыкается на Мексике?

– Очень многое, – кивнул Трентини, – но об этом вам лучше расскажет Уильям.

– Перед своим арестом Ли Веско встречался с приехавшим из Мексики Луисом Эррерой. Тот отправился затем в Панаму и Колумбию. Потом мы его след потеряли. Но точно известно, что Эррера готовит катер на Кубу. А что еще можно провести на остров, кроме наркотиков? Причем сделать это тайно. Если ему нужно что-то привезти, он может просто взять билет в Гавану. А он договаривается о заходе катера в один из портов Кубы. Мы не знаем, какой груз и какой порт, но уже знаем точно, что ему нужен катер, который выйдет из Коста-Рики и возьмет курс на Кубу.

– Да, Эррера – это серьезно, – согласился Роджер, – у меня на него целое досье. Этот сукин сын не брезгует ничем, занимаясь поставками оружия и контрабандой наркотиков.

– И это еще не все, – сказал Уильям, – по нашим сведениям, Эррера встречался в Панаме с твоим хорошим знакомым, Мануэлем Вальесом. А это уже очень серьезно.

– Он еще жив? – удивился Роджер. – Вот старый негодяй. Я думал, он давно умер. Он ведь старый агент кубинской разведки. Да его знает каждая собака в лицо, он никогда не посмеет появиться в Мексике, его тут же арестуют. Он ведь работал и на русских. Еще пятнадцать лет назад.

– Он продолжает на них работать, – сообщил Трентини, собирая фотографии, – у меня есть информация нашего отдела, занимающегося проблемами подобного рода. После ареста Эймса мы начали проверку всех наших дел, связанных с Латинской Америкой. Трижды всплывало имя Мануэля Вальеса. Недавно его видели в Испании. Он причиняет нам всем очень большие неудобства. Впрочем, это скорее проблема ЦРУ, чем ФБР. В нашей стране Мануэль Вальес, думаю, вряд ли захочет появиться.

– Понимаете, Роджер, – очень мрачно произнес Уильям, – мне не нравится весь этот клубок проблем. Если это обычная поставка наркотиков, то при чем тут кубинская и российская разведки? Если это их совместная операция, тогда куда и зачем пойдет этот груз? Мне не нравятся задачи, где я не могу понять логику противной стороны. Выглядишь полным идиотом, а это, согласитесь, не очень приятно.

Роджер молчал. Он вспоминал легендарную биографию Мануэля Вальеса. Тот, еще совсем мальчишкой, принял участие в походе Че Гевары в Боливию, но по случайному стечению обстоятельств сильно заболел лихорадкой и, оставшись в одной из деревень, не разделил участи отряда легендарного «команданте». Потом он вернулся на Кубу и несколько лет учился, постигая науку шпионажа. По непроверенным сведениям, он даже закончил высшую школу КГБ в Москве. Вернувшись на родину, он возглавил латиноамериканский отдел в кубинской разведке и добился выдающихся успехов в своем деле. Два небольших отдела кубинской разведки – латиноамериканский и североамериканский (работавший исключительно против США) – сумели почти полностью переиграть даже такую мощную разведку, как ЦРУ США. Среди сотен и тысяч эмигрантов, бегущих с острова Свободы, оказались десятки и сотни агентов кубинской революции, фанатично верящих в ее идеалы и преданных Фиделю Кастро.

Почти о каждом действии ЦРУ против кубинской революции кубинская служба безопасности была заранее проинформирована. Здесь срабатывал принцип массовости. Такого количества завербованных агентов не могла позволить себе ни одна разведка мира. Люди работали исключительно бескорыстно, на одних идеалах.

В конце восьмидесятых – начале девяностых, когда в Европе началось крушение системы социалистического мира, а в самом Советском Союзе рухнули идеология, экономика, политика, партия, Фидель взял курс на собственные силы. Из разведки были удалены несколько специалистов, слишком тесно связанных с бывшей советской разведкой. Тогда казалось, что Мануэль Вальес ушел навсегда. И вот теперь он снова начал активную деятельность. Почему кубинцы решили вспомнить своего старого специалиста? Или это вместо них решила сделать другая разведка?

– Где сейчас находится Мануэль Вальес, известно? – спросил Роджер.

– Нет, – хмуро ответил Трентини, – в ФБР ничего не известно.

– Мы тоже не имеем никаких данных, – добавил Уильям, – но все наши посольства предупреждены. Всем резидентам ЦРУ в соседних странах разосланы предупреждения о возможном появлении в их стране Мануэля Вальеса.

– Это ничего не даст, – возразил Робинсон, – он может появиться и под чужим именем. Этот человек причинил нам больше неприятностей в Латинской Америке, чем Сальвадор Альенде, Фидель Кастро и генерал Норьега, вместе взятые. С ним нужно работать очень аккуратно, избегая ненужных шагов, просчитывая все варианты. Только терпение и выдержка – вот основные компоненты борьбы против такого профессионала, как Мануэль Вальес.

– А вы спрашиваете, зачем мы вас пригласили, – напомнил Браун, – вы ведь действовали против него еще в семьдесят пятом.

– У нас в ЦРУ был отличный специалист по Вальесу, – вспомнил Робинсон, – он тогда здорово действовал в Панаме. И задержание Норьеги – его безусловная заслуга. Это полковник Биксби. Он, по-моему, сейчас на пенсии.

По тому, как переглянулись Браун и Трентини, Роджер понял, что сказал нечто крайне важное.

– Вы не знали Биксби? – спросил он у Брауна. – Вы ведь должны его помнить.

– А вы знаете его достаточно хорошо? – уточнил Трентини.

– Да, конечно. Его знают все работающие в нашем отделе. Пол Биксби там почти легенда, человек, про которого рассказывают тысячи разных историй.

– Вы помните дело Эймса?⁶ – спросил вдруг Браун.

– При чем тут Эймс? – не понял Робинсон.

– Он тоже был выдающимся специалистом в борьбе против СССР и России. А потом выяснилось, что он просто агент российской разведки. Никто и предположить не мог подобного финала.

– Я понял. Но если вы считаете, что Пол Биксби тоже работает на русских, то это явно не подходит. Он никогда не работал на этом направлении. Его сферой всегда была Латинская Америка. Кроме того, у него безупречный послужной список.

– Вы хорошо помните Биксби? – снова задал непонятный вопрос Браун.

– Конечно. Мы с ним работали несколько лет. Он настоящий Мастер, блестящий профессионал. Вы же об этом знаете, почему вы спрашиваете?

– Луиса Эрреру вы тоже хорошо помните? – спросил в свою очередь Трентини.

– Разумеется. Этого мерзавца я лично брал в Каракасе, потом его отпустили под залог.

Я не совсем понимаю смысл ваших вопросов.

⁶ Олдридж Эймс – руководитель отдела ЦРУ, действовавший против России и завербованный российской разведкой. В настоящее время отбывает пожизненное заключение в США.

Трентини и Браун переглянулись.

– Покажите ему фотографию, – кивнул Браун.

Трентини достал из папки еще одну фотографию и передал ее Роджеру. На фоне залитого солнцем пляжа за столиком сидели двое людей. Первый был, безусловно, Луис Эррера; а второй... в это нельзя было поверить, невозможно было поверить, но это был сам полковник Пол Биксби.

– Фальшивка? – спросил недовольно Робинсон.

– Настоящая. Сделана нашими людьми в Коста-Рике. Они встречались там две недели назад. Мы проверили. Биксби действительно летал в Коста-Рику на два дня. Вам нравится эта фотография?

– Нет, – брезгливо ответил Роджер, бросая карточку на стол, – мне она совсем не нравится. Но она ничего не доказывает. У Биксби могла быть тысяча причин встретиться с Эррерой. Может, он ведет какое-нибудь расследование и ему понадобилась консультация. Или сам Эррера пригласил его для какого-нибудь предложения. Такое возможно?

– Мы проверили и этот вариант, – Трентини аккуратно убрал фотографию в папку, – после возвращения Биксби никому не докладывал и ни о чем официально не сообщал. Он и не мог ничего сообщить. Согласно справке ЦРУ, он уже два года на пенсии и не имеет права вести оперативную разработку каких-либо дел.

– Вот почему вы вспомнили Эймса, – понял наконец Робинсон, – вы думаете, что Биксби двойной агент или работает на русских.

– Мы пока ничего не думаем. – Браун, поднявшись с дивана, прошел в другую комнату и вернулся, неся три бутылки холодного пива. Здесь не принято было ждать услуг от секретаря. Она просто не имела права входить в комнату во время совещаний и приема посетителей. Браун снова прошел в другую комнату и вернулся на этот раз с тремя стаканами.

– Сегодня очень жаркий день, – сказал он, – мы пока не имеем никаких данных, Роджер, – добавил Браун, уже открывая свою бутылку, – но мы очень хотим понять, почему отставной офицер ЦРУ Пол Биксби встречается с таким человеком, как Эррера. Что у них может быть общего. И если это связано с наркотиками, то мне становится просто страшно. У полковника Биксби информации больше, чем у всего нашего департамента. Он, как никто другой, знает наши уязвимые места. Вы представляете, что может произойти, если Пол Биксби решил сотрудничать с Эррерой? После осуждения Эймса мы не имеем права никому доверять.

– Я всегда очень верил Биксби, – тихо признался Робинсон, – мне трудно представить его в роли помощника Эрреры или русского шпиона. Для такого моей фантазии маловато.

– Факты очень упрямая вещь, – возразил Трентини, – по нашим данным, недавно пенсионер Пол Биксби купил для своей дочери дом в Иллинойсе стоимостью в сто десять тысяч долларов. Первый взнос он сделал со своего счета в «Сити-Банке». Хотите посмотреть распечатку?

Уже не решаясь что-либо сказать, Робинсон просто кивнул головой. Трентини достал из папки еще одну бумагу. Это была распечатка банковского счета мистера Пола Биксби. Счет был открыт полгода назад и в результате ежемесячных перечислений из мексиканского Национального банка уже вырос до сорока тысяч долларов. Половина из них была перенесена в Иллинойс на первоочередной взнос для покупки нового дома. Ошеломленный Робинсон смотрел на счет и на сидевших перед ним людей.

– Это еще ничего не доказывает, – слабо защищаясь, сказал он, – может, он оказывает какой-нибудь компании услуги или работает консультантом.

– Поэтому деньги ему перечисляют через подставных лиц из Мексики? – с явным сарказмом спросил Трентини. – Вам не кажется несколько странной такая необычная форма благодарности?

– Не знаю. – Он положил и эту бумагу на стол.

Верить в предательство Биксби не хотелось. Полковник был для него всегда воплощением лучших идеалов американского героя – честного, умного, стойкого офицера. И тем страшнее было разочарование.

– Что же мне нужно делать? – спросил он уже бесцветным голосом. Приходилось верить в невозможное.

– Взять Эрреру, – ответил Трентини, сжав правую руку в кулак, – он должен объяснить нам некоторые детали.

– А почему вы не хотите поговорить с самим Биксби? – Роджер вздохнул. – По-моему, так было бы правильнее.

– Дело в том, – Трентини смотрел ему прямо в глаза, – что полковник Пол Биксби вот уже три дня как исчез. И мы его нигде не можем найти.

* * *

Главное разведывательное управление Генерального штаба
Министерство обороны СССР
Архивный фонд
Особо секретный фонд
Документ особой важности
Выносить из здания не разрешается
Копий не снимать
Вскрыть только с согласия начальника Управления

ДЕЛО АГЕНТУРНОЙ РАЗРАБОТКИ

8796

«ГОСПОДАРЬ»

№ 6

Источник сообщает, что недовольство нынешним режимом в Румынии принимает черты массового неповиновения, наблюдаются отдельные признаки волнения и среди партийного аппарата. За исключением элитарных частей и сотрудников органов безопасности, никто не поддерживает Чаушеску и его режим. Многие полагают, что в начавшейся революции может выдвинуться генерал Стэнкулеску. Среди новых оппозиционеров, выступающих против режима, наиболее заметен молодой Петру Роман. Дополнительно высылаем по запросу Центра. Убеждены в необходимости более детальной проработки кандидатов на должность руководителя страны. В настоящее время это наиболее важная задача.

15 декабря 1989 года

№ 7

Петру Роман. Родился 22 июля 1946 года в Бухаресте. Отец, старый коммунист, принимал участие в гражданской войне в Испании на стороне республиканской армии, где и познакомился с будущей матерью Петру Романа. По национальности она испанка. В 1967 году окончил гидротехнический факультет Бухарестского политехнического института. Учился в Политехническом институте во Франции, в Тулузе. Аспирантуру закончил в Бухаресте. Доктор технических наук. В настоящее время – заведующий кафедрой гидротехнического факультета Бухарестского политехнического института. Источник считает Петру Романа наиболее перспективным политиком среди новых политических деятелей Румынии. В настоящее время рассматривается возможность более тесного контакта с ним.

15 декабря 1989 года

Воспоминания

Он сидел в своем кабинете, устало уставившись в зеркальную поверхность стола. Нет, он не собирался сдаваться просто так, на милость восставшим хамам. Просто он очень устал. Последний митинг, на котором ему пришлось кричать, чтобы быть услышанным, отнял у него последние остатки сил. Он, кажется, забыл те дни, когда митинги могли идти с утра до вечера, а он, еще молодой и полный сил, мчался из одного конца города в другой, чтобы успеть на очередной митинг. Когда это было? Раздался телефонный звонок. Это был телефон его прямой связи, о которой знали лишь несколько человек. «Неужели жена?» – подумал, сморщившись, Чаушеску. В последнее время ее неумеренные требования и крайний радикализм смущали даже Президента. Он поднял трубку и с облегчением услышал голос Андруты, своего брата, директора школы безопасности.

– Положение очень сложное, – сказал Андрута, – по-моему, наше телевидение просто выходит из-под контроля. Они передают всякую чушь.

– Да, – устало ответил Чаушеску, – я скажу, чтобы проследили.

– На всякий случай я приказал записывать все события на пленку, – сообщил Андрута, – мои люди активно работают в городе. Потом мы сможем разбираться с каждым из мятежников в отдельности.

– А почему ты думаешь, что это мятеж? – спросил вдруг Президент.

– Что? – не поверил самому себе Андрута. – Я не совсем понял.

– Ничего, просто я вспомнил Германию. Там тоже считали, что эти волнения скоро пройдут. Ты же знаешь, чем там кончилось.

– У нас нет такой стены, – раздраженно ответил Андрута. Его начал тревожить такой пессимизм Николае. Это было совсем не похоже на энергичного и хитрого Чаушеску. Он не понимал, что брат мог просто устать от этой вечной борьбы за власть.

– Да, я помню, – сказал Президент, уже собираясь положить трубку.

– До свидания, – зло бросил Андрута и первым отключился.

Чаушеску осторожно положил трубку на телефон. Он понимал, что рано или поздно это произойдет. Он никогда не доверял этому выскочке Михаилу Горбачеву. Через китайскую разведку ему удалось получить некоторые подробности встречи Горбачева с Президентом США Джорджем Бушем на Мальте. Секретность встречи была настолько абсолютной, что оба лидера мировых держав встретились на корабле, в море, предпочитая такой необычный способ общения. Чудом удалось узнать, что Горбачев дал согласие на демонтаж Берлинской стены. Он фактически сдал всех своих союзников в Европе.

Еще когда в прошлом году начались первые волнения в самом Советском Союзе между Арменией и Азербайджаном из-за Карабаха, встревоженный Чаушеску сказал на Политбюро, что это может быть началом очень крупных неприятностей. Уже тогда нерешительная и, главное, непродуманная политика Горбачева вызывала у него большую настороженность. И когда произошли события в Сумгаите, он был в Сибиу. Вернувшись в Бухарест, он с облегчением узнал, что по приказу Горбачева в город введены войска. Тогда казалось, что все еще можно повернуть обратно. Но это только казалось. Противостояние, начавшееся в Карабахе, перекинулось на другие республики, вызвало кровавый ураган в Ферганской долине Узбекистана, положило начало изменениям в самой Восточной Европе. Если можно ставить вопрос об отделении в самом Советском Союзе, если одна область может выходить из одной республики и входить в другую, значит, это можно делать повсюду.

Прибалтийские республики вспомнили о своей независимости до сорокового года, в Югославии начался процесс разложения целого государства, в Румынии начались глухие волнения в Трансильвании. А в самой Германии немцы справедливо рассудили, что, если можно

объединять Армению и Карабах, значит, установленные границы в жестких рамках социалистической системы не такие прочные. И тогда рухнула Берлинская стена.

В последние дни Чаушеску часто просил сводки о последних событиях в Баку. Ситуация в декабре восьмидесят девятого в столице Азербайджана была просто неуправляемой. Власть лишь формально сохранялась за представителями партийных и советских органов. По сообщениям зарубежных информационных агентств, на дорогах в Баку уже стояли посты Народного фронта. Со дня на день можно было ожидать открытого мятежа. А вместо этого начались события в самой Румынии.

Да, в который раз подумал Чаушеску, во всем виноват этот Горбачев с его бредовыми идеями. Не сумел справиться со своей собственной страной, пошел на уступки Западу и в результате разрушил всю систему социализма. Он не хотел признаваться даже самому себе, что в Румынии социализм отождествлялся с именем самого Чаушеску.

Рассчитывать на союзников больше не приходилось. Тогда в Чехословакию, в шестьдесят восьмом, он не послал румынские войска, но объединенные силы русских, немцев, даже венгров и болгар вошли в Прагу и наказали чехов и словаков за тщетную попытку вырваться из самой системы социализма. Пражская весна была потоплена в крови.

Тогда он мудро рассудил, что участие румынских сил может придать нездоровый импульс начинавшимся волнениям в армии. Ему нужно было больше думать об укреплении собственного режима, он еще сидел достаточно непрочно и очень многие готовы были убрать молодого Генерального секретаря с его поста. Тогда он выстоял, а через шесть лет даже стал Президентом страны.

Он вспомнил свое родное село Скорничешти. Старики рассказывали, что в день его рождения была страшная стужа, сильный снегопад и повитуха, обычно принимавшая в селе роды, даже немного опоздала, явившись в их дом, когда роды уже начались. Потом было трудное детство. С четырнадцати лет он разносит листовки и помогает молодым коммунистам. Через год он становится комсомольцем, а еще через год его избирают в ЦК комсомола. Это были самые трудные годы в истории Румынии. Повсеместно поднимали голову местные фашисты, была создана ультраправая Национал-христианская партия. Активно действовала возникшая в тридцать первом году «Железная гвардия», не скрывающая своих фашистских взглядов. В восемнадцать лет Николае становится коммунистом. Как они тогда верили в коммунистические идеалы, какими чистыми и наивными они были. Через три года он уже секретарь комсомольской организации Бухареста. Его небольшую фигуру узнают повсюду, он встречается с рабочими, идет в первых рядах митингующих, выступает настоящим вожаком молодежи.

В сентябре сорокового в Румынии происходит фашистский переворот. К власти приходит новый король, Михай, а фактическая власть достается генералу Антонеску, который вместе с «Железной гвардией» превращает страну в сателлита Германии. Уже через месяц в Румынию входят немецко-фашистские войска.

Тогда он не успел уйти. Его арестовали, и долгие четыре года он проводит в заключении. В Советском Союзе идет самая страшная война, и сотни тысяч румын принимают участие в этой войне на стороне Германии.⁷ Заключенные коммунисты жадно ловят каждое сообщение о победе советских войск. После краха под Сталинградом всем становится ясно, что победа будет на стороне правого дела. Как они тогда верили в Москву, как молились именем Сталина, как жили сводками советского Информбюро.

В сорок четвертом в страну вошли советские войска. Король Михай вовремя понял, что пора менять тактику, и отрекся от своих прежних союзников. В Москве было подписано соглашение о перемирии, и вскоре румынские войска были посланы против своего старого союзника

⁷ Румыния воевала против СССР с 22 июня 1941 года до 12 сентября 1944 года, выставив тринадцать дивизий и девять бригад. В конце войны воевала против Германии.

– фашистской Германии. Освобожденный из тюрьмы в сорок четвертом, Николае Чаушеску становится признанным лидером молодежного движения в ЦК комсомола. После победы он работает на партийной работе, а в начале пятидесятых несколько лет даже пребывает на должности заместителя министра обороны страны, успев обрасти нужными связями и друзьями в армии.

Во время работы в правительстве он пользуется неизменной симпатией главы правительства Петру Грозы, также отсидевшего при Антонеску несколько лет в тюрьме. В тридцать шесть лет Николае Чаушеску становится самым молодым секретарем ЦК партии, а через год избирается членом Политбюро. Когда спустя десять лет умрет Георгиу-Деж, Чаушеску будет самым достойным и самым лучшим кандидатом на должность руководителя партии и государства.

Но это было так давно, в шестьдесят пятом. Уже через девять лет он становится Президентом, и начинается неуклонный процесс перерождения, обусловленный неограниченной личной властью, неподконтрольностью никаким законодательным органам, формальностью выборов и отсутствием демократической прессы. Он и сам не замечает, как постепенно превращается в настоящего диктатора, устанавливая семейный режим власти в стране, при котором в число высших руководителей государства входят его жена, сын, братья, родственники жены и его друзья. Как и при любой тирании, начинает складываться культ вождя. В центре Бухареста открывается грандиозный Музей личных подарков Николае Чаушеску, его огромные портреты заполняют все города и села Румынии. В дополнение к этим характерным метастазам социалистического государства крайне негативную роль играет его супруга, постоянно вмешивающаяся в кадровые вопросы и превратившаяся в своеобразного «серого кардинала» при дворе Чаушеску. Все в стране твердо знают, что ни одно назначение не минует личной канцелярии супруги Президента. Процесс разложения государства идет полным ходом. При несменяемом Президенте граждане становились циниками и пессимистами. В стране явно усиливалось недовольство, начали появляться диссиденты.

Если бы все можно было вернуть лет на двадцать назад, подумал вдруг Чаушеску. Может, он не сделал бы таких явных ошибок. Впрочем, разве мало пользы он принес своему народу? Разве не он сумел полностью погасить весь иностранный долг, сделав Румынию одной из немногих стран в мире с полностью выплаченным национальным внешним долгом? Разве этого одного мало, чтобы потомки поставили ему памятник? Разве мало он заботился о процветании собственного народа, о его культуре, науке, здравоохранении?

И такая черная неблагодарность людей. Впрочем, сам став циником за годы своего правления, он и не ждал особых благодарностей от своего народа. При взаимном согласии они всего лишь соблюдали баланс интересов друг друга, и этого было вполне достаточно. А теперь вдруг начались эти события в Трансильвании, перекинувшиеся затем на Бухарест.

Раздался еще один звонок. На этот раз звонил помощник.

– В чем дело? – спросил очень недовольным голосом Чаушеску.

– К вам звонит генерал Стэнкулеску, заместитель министра обороны. Товарищ Президент, он просит срочно соединить его с вами.

– Хорошо, – разрешил он. Стэнкулеску был одним из самых образованных генералов в румынской армии, владел пятью языками, был достаточно популярен в народе.

– Товарищ Президент, – раздался взволнованный голос генерала, – в столице начались вооруженные столкновения. Сотрудники органов безопасности стреляют в безоружный народ. Люди начинают строить баррикады. В таких условиях возможны любые антиправительственные действия. Армия не может брать на себя ответственность за действия сотрудников «секуритаты».

– Что вы предлагаете? – спросил Чаушеску. «Почему они начали стрелять? – вдруг подумал он. – И микрофоны на митинге так некстати не работали».

– Вам нужно покинуть Бухарест, – твердо сказал вдруг генерал, – это единственно возможная и вынужденная мера. Других вариантов я не вижу. Иначе – восставший народ пойдет брать штурмом ваше здание.

«Как он осмелел, – подумал Чаушеску. – Проклятый Горбачев, это все его эксперименты». Но он ничего не сказал.

– Вы меня слушаете? – тревожно спросил генерал. – Что нам делать?

– Не знаю, – Чаушеску сжал губы, чтобы не сорваться, – значит, вы считаете, что мне нужно уехать из города. Это ваше личное мнение?

– Нет, – отрезал безжалостно генерал, – это мнение вооруженных сил. Мы не будем стрелять в народ. Армия останется в казармах.

– Хорошо, – принял решение Чаушеску. Может, он и прав, оставаться в Бухаресте не имеет смысла. Нужно вылететь в провинцию и там организовать подавление этого мятежа. В столице всегда было много горячих голов – студентов, рабочих, этих преподавателей-интеллигентов.

– Я пришлю вертолеты, – сказал с облегчением генерал.

Президент, не попрощавшись, положил трубку и только сейчас вспомнил о своей супруге. Он невольно поморщился: теперь предстоит еще тяжелый разговор и с ней. Как много неприятностей за один день.

Глава 5

Если бы Бернардо сам не встречался с Инес Контрерас в Толедо, он никогда не поверил бы в возможность подобной игры со стороны женщины. Как и было обусловлено, он стоял у стойки информационного бюро, когда сзади раздался счастливый голос Инес, закричавшей на весь зал:

– Гильермо!

Подобная экспансивность испанцев была обычным явлением. И если в Англии или Швеции такая эксцентричность встретила бы единодушное молчаливое осуждение, то в Испании все воспринималось как должное, громкие крики и радостные объятия были непременным атрибутом всех встреч и проводов в иберийских аэропортах.

Он еще не успел прийти в себя, когда увидел рванувшуюся к нему женщину и почувствовал на своих губах ее неожиданно горячий поцелуй. Ничего не соображая, он даже не сумел достойно ответить. А когда попытался, Инес уже отталкивала его от себя, глядя насмешливыми, озорными глазами. На ней был серый брючный костюм и платок от Нины Риччи. Бернардо неслышно выругался. Он даже не думал, что с Инес возможен такой поворот. Вчера она была уверенной в себе, сухой и сдержанной женщиной. Сегодня она буквально искрилась счастьем. «Хорошо, что я не женат, – впервые в жизни подумал Бернардо. – В каждой женщине умирает актриса».

К ним подошел высокий мужчина, мрачно наблюдавший сцену встречи молодоженов. Он неприязненно посмотрел на Бернардо, но сохранял молчание, не подходя ближе чем на пять шагов.

– Познакомьтесь, это мой муж Гильермо, а это мой друг, о котором я тебе столько рассказывала, – Альфредо Баррос.

– Рад познакомиться, – протянул руку Бернардо.

Его рука повисла в воздухе. Секунду, другую.

– С приездом, – наконец сказал Альфредо, протягивая свою руку и сжимая ладонь Бернардо в своем стальном пожатии.

«С этим типом мне придется еще столкнуться», – раздраженно решил Бернардо. Только ревнивых любовников ему и не хватало.

– Пойдем в машину, – взяла за руку Бернардо его «супруга».

Почему нельзя было придумать что-нибудь получше, злился Бернардо. Можно было послать с ним кого-нибудь из Москвы. Одну из тех готовых на все женщин, которые учились с ним на специальных курсах у «Чиновника». Он помнил метиску Ирину из Ташкента. Она была узбечкой по отцу и русской по матери и выделялась вызывающей восточной красотой, пышными волосами и стройностью настоящей русской красавицы. Ее коричневые, с желтым отливом глаза привлекали всех находящихся в их группе парней. Но она отдавала предпочтение всем и никому. С каждым по очереди Ирина исправно встречалась, не отказывая практически никому. Но и только. Получить от нее нечто большее, чем встреча в постели, было невозможно. Однажды Бернардо, не выдержав, спросил об этом у Ирины после их очередной встречи.

– Понимаешь, «Маркизик», – деловито ответила женщина, натягивая платье, – мне это нужно для будущей работы. Я должна уметь встречаться с любым типом мужчин, независимо от того, нравится он мне или нет. Иначе трудно рассчитывать на какой-либо конкретный результат. А вы мне все нужны... ну, если хочешь, в качестве спарринг-партнеров, – и, увидев вытянувшееся лицо Бернардо, добавила: – Конечно, кроме тебя. Не нужно так переживать.

Он много раз вспоминал потом ее слова. Из пяти человек в группе «Чиновника», готовившихся по особой программе, трое были мужчинами, а двое – женщинами. Один из ребят погиб в Афганистане, одна из женщин ушла из группы сама, так во всяком случае говорили.

Что стало с двумя остальными, он не знал. Сейчас, вспоминая услужливую покорность Ирины в постели и ее молчаливое согласие на любое свидание, он впервые подумал, что партнершу ему могли подобрать и другую.

Они сели в роскошный «БМВ» на заднее сиденье. Водитель, открывший дверцы машины для Инес, снял фуражку и немного наклонился. Инес, кивнув ему, первая села в автомобиль, даже не дожидаясь протянутой руки Бернардо. Красный от смущения, он полез следом. Баррос сел впереди рядом с водителем.

– Это мой муж – Гильермо, – сказала водителю Инес. – Надеюсь, вы сумеете подружиться с Роберто, – представила она старого водителя. – Он работал еще с моим отцом, – добавила она, обращаясь к Бернардо.

– Я помню, – неожиданно ответил Бернардо, – ты мне о нем говорила.

– Да? – удивилась женщина, заинтересованно посмотрев на него. Он впервые импровизировал, и ее это удивило больше, чем собственные импровизации. – Возможно, – сказала она, чуть подумав, и немного отодвинулась от него.

Потом они минут пять молчали. Наконец Инес, поняв, что пауза затягивается, спросила его уже несколько другим голосом:

– Как долетел?

– Хорошо. Когда мы вылетали, был сильный дождь, и я боялся, что самолет даже задержат в аэропорту. – Откуда Инес знать, что он прошел «школу мелочей» у генерала Чернова, учившего их, что достоверные мелкие подробности позволяют врать по-крупному, когда за истинными деталями картины не видишь надуманности самой картины.

Инес почти испуганно смотрела на него, решив, что он опять решил импровизировать. Но тут вмешался Альфредо.

– Да, – сказал он, чуть поворачивая голову, – я звонил в аэропорт. Мне тоже сказали, что самолет может задержаться в Гватемале, там был тропический ливень.

Женщина недовольно сжала губы. Бернардо начал ее переигрывать с самого начала, а это ей ощутимо не нравилось. В их паре она хотела играть роль ведущей. Но она умела держать удары.

– Хорошо, что самолет все-таки долетел, – сказала она, сжимая руку Бернардо чуть сильнее, чем требовалось для демонстрации верной любви. Он понял ее намек и незаметно усмехнулся.

– Мы завтра уезжаем в Париж, – сказала Инес, – я уже сняла апартаменты в их лучшем отеле, в «Ритце». Говорят, там до сих пор сохранились частные апартаменты Коко Шанель. Жаль, конечно, что у нас всего два дня. Мы могли бы провести там целый месяц.

По шее и затылку Альфредо нельзя было догадаться, о чем он думает, но вся его поза выражала гнев и обиду. Бернардо это понравилось.

– Конечно, – сказал он, – мы могли бы и остаться. Может, мы еще передумаем.

И тут Инес показала, чего она стоит.

– Не забывай, о чем мы договорились, – сухо ответила она, – моя работа и независимость прежде всего. Больше двух дней в Париже я провести не могу. Нам придется лететь в Мексику. Я и так задержалась в Мадриде на два лишних дня, чтобы дожидаться тебя, мой дорогой. Твоя коммерция могла бы и подождать.

На этот раз даже уши Альфредо радостно шевелились. Бернардо разозлился.

– Не нужно устраивать мне таких сцен, – сурово одернул он «зарвавшуюся жену», – думаю, мы сумеем обо всем договориться чуть позже.

Роль альфонса явно не для него, в который раз с огорчением подумал Бернардо. Придется терпеть этого мерзкого Альфредо и эту гордячку. Кажется, он никогда еще не попадал в подобное смешное положение. А если они любовники, что ему делать? Изображать роль доверчивого мужа, наивного простачка? Или потребовать сатисфакции и быть убитым на дуэли? Этот тип,

наверно, владеет какими-нибудь экзотическими видами оружия. Хотя выбор оружия может быть и за ним, как за оскорбленной стороной. Бернардо даже улыбнулся – какая глупость иногда приходит в голову.

Автомобиль въехал в город, направляясь по Виа Гранде к самому центру. Отель «Палас» был расположен на центральной площади Мадрида – площади Кортесов. Напротив находился всемирно известный музей «Эль Прадо». Насчитывающий четыреста тридцать шесть номеров и двадцать сьютов, отель считался одной из лучших гостиниц не только Испании, но и всей Европы. В дальнем конце площади, с левой стороны от музея, был расположен второй отель подобного класса – «Ритц», как бы спрятанный в тени деревьев и фонтанов. Он был еще дороже, чем «Палас», и в его номерах останавливались богатые арабские шейхи и приезжие миллионеры из Америки. Обычный номер на двоих там мог стоить до шестидесяти тысяч песо, что составляло в общем более пятисот дакаров и было очень дорого даже по дорогим европейским стандартам. Правда, отель был несколько меньше, камернее «Паласа». У него было всего двадцать девять апартаментов и сто двадцать пять номеров. Эти два отеля считались своеобразной визитной карточкой гостиничного бизнеса столицы Испании и входили в число лучших отелей мира по высшей классификации.

Они вышли из машины, и водитель показал швейцару на небольшой чемодан прибывшего гостя. Бернардо впервые с огорчением подумал, что его недорогой чемодан будет смотреться грязным пятном в великолепии отеля топ-класса. Здесь привыкли совсем к другим чемоданам. Видимо, это отразилось на лице Бернардо. Альфредо чуть скривил губы, увидев его чемодан, как будто не видел его в аэропорту, а швейцар презрительно бросил багаж в свою великолепную золотую тележку. «Кажется, я действительно становлюсь альфонсом, – подумал несчастный Бернардо. – Нужно будет еще брать деньги у моей супруги – и все встанет на свои места». Почему только он согласился на подобную унижительную роль. И хотя костюм для него подбирали в ателье Службы внешней разведки, не пожалев на него денег, он чувствовал себя почти нищим в этом приличном костюме среди великолепных костюмов от Валентино и Кристиана Диора, среди платьев от Шанель и Живанши.

Они прошли в лифт, и Альфредо предупредительно пропустил их вперед. Наверх они поднимались втроем и молча. У входа в апартаменты Инес дежурил ее человек.

– Спасибо, Филиппо, – поблагодарила молодого человека Инес, одаривая его ласковой улыбкой. Перед Альфредо охранник вытянулся, на Бернардо не обратил никакого внимания. Все вокруг Инес были влюблены в свою хозяйку и презирали чужого альфонса, польстившегося на ее деньги.

У дверей апартаментов Бернардо наконец получил долгожданный реванш. Инес прошла первой, пропустила своего «супруга» и, обернувшись к застывшему в почтительном ожидании Барросу, сказала:

– Спасибо, Альфредо, ты мне больше сегодня не нужен.

Тот, ничего не ответив, молча повернулся и пошел по коридору в обратную сторону. Инес захлопнула дверь и обернулась к Бернардо.

– Вы с ума сошли? – рассерженно произнесла она. – Кто вам разрешил так себя вести, зачем вы меня все время сбивали? Мы могли проколоться на подобных глупостях.

– Не могли. – Бернардо решил постоять за себя. Его чемодан уже стоял у дверей. Даже чаевые швейцару, наверно, заплатил кто-нибудь другой. От того было не менее стыдно и не менее унижительно. – Я совсем не намерен играть роль альфонса при вас, – рассерженно произнес Бернардо, – про дождь я выяснил все точно, здесь никаких накладок быть не могло. – Он подумал эту фразу по-русски и сказал вместо «накладки» испанское слово «ошибки».

– Кажется, у нас будут с вами проблемы, мистер Урбьета, – произнесла она по слогам, чуть прикусывая от напряжения нижнюю губу.

– Возможно. – В конце концов он не выбирал себе такого партнера. Пусть поищут лучшего «мужа» для этой дряни. – Я не напрашивался на подобную роль.

Они молча смотрели друг на друга.

– Кажется, у нас проблемы, – сказала вдруг Инес.

Он промолчал. Потом спросил:

– Когда мы летим в Париж?

– Завтра утренним рейсом.

– Я должен остаться на эту ночь в ваших апартаментах?

– А вы хотите провести ночь где-нибудь в другом месте? Вы понимаете, что все сразу все поймут.

– Понимаю, – мрачно ответил Бернардо, – но надеюсь, что в вашем номере есть хотя бы две кровати.

– Можете так не беспокоиться, – саркастически ответила Инес, – есть даже диван. Я не представляю вас в роли моего любовника. Сказать то же самое даме – значит оскорбить ее на всю жизнь.

Бернардо проглотил готовую сорваться колкость. И, молча взяв чемодан, пошел в гостиную апартаментов своей «супруги». Положив на стол чемодан, он достал из него зубную пасту и бритву.

– Надеюсь, ванной я могу воспользоваться, – ядовито спросил он, – или она у вас персональная?

– У меня в номере две ванны комнаты. Вы можете пользоваться маленькой, для гостей, – рассерженно произнесла женщина, проходя в спальню. Вскоре послышался громкий стук открываемого окна.

Хорошо, что я не женат, подумал Бернардо. Подобные сцены могут повторяться ежедневно и заставят любого мужчину проклинать тот день и час, когда он решил сделать предложение. В данном, конкретном, случае ему было обидно вдвойне. Он не пользовался никакими преимуществами мужчины от женитьбы на красивой женщине, не мог спать с ней, ее любить, даже не делал ей предложения. За него это сделали другие. А вот все тяготы семейной жизни – скандалы и ссоры ему приходилось принимать на себя. От этого можно было стать меланхоликом или спиться до полного одурения. Он выбрал второе. Нахально достав из мини-бара сразу две бутылочки виски, он сделал себе огромный коктейль, смешав виски с апельсиновым соком. Увидев, чем он занимается, Инес крикнула из другой комнаты:

– Можно было позвать официанта и попросить принести все, что вы хотите! Это не так сложно, сеньор Гильермо.

Он не ответил, пусть издевается, он больше не будет ввязываться в бесполезный обмен ударами. Все равно они в разных весовых категориях, и он никогда не сможет ей отвечать. Придется молчать и поэтому лучше вообще с ней не разговаривать. Часа через два, когда он, сидя на диване, смотрел телевизор, она ему крикнула:

– Вы не проголодались?

Теперь она будет его еще и кормить, с отвращением подумал Бернардо. А пойти поесть вниз, в ресторан, тоже нельзя. Что подумают люди, увидев молодого мужа, спустившегося вниз в ресторан? Они решат, что они просто поссорились. Хотя нет. Он посмотрел на часы. Прошло два с лишним часа. Они вполне могли устать после бурной встречи, и она могла заснуть. Вполне логическое объяснение. Поднявшись с дивана, он взял свой пиджак, надевая его.

– Я спущусь вниз в ресторан! – крикнул он Инес.

Та почти сразу выбежала из спальни. На ней был какой-то длинный японский халат. Волосы она уже собрала на голове, сложив их в один большой узел. Кажется, она даже успела принять душ.

– Вы с ума сошли, – зло произнесла женщина. – Не нужно меня оскорблять. Они решат, что мы либо поссорились, либо вы недовольны мною. Вы это понимаете?

Второго момента он явно не предусмотрел. Это была чисто женская логика, об этом он не подумал.

– Они могут решить, что вы просто спите, – пожал он плечами.

– В каком смысле? – не поняла женщина.

– Ну после того... в общем, после нашей встречи...

– Для обычного нахала вы удивительно тактичны, – чуть остывая, сказала женщина, – но все равно выходить сегодня не стоит. Я закажу нам ужин в номер. Это будет нормально.

– А как ваш цербер? Этот Альфредо, он не ревнует? – спросил все-таки Бернардо.

– Это вас не касается, – твердо ответила она и пошла к телефону, чтобы позвонить в ресторан. Через минуту заказ был принят. В этом отеле работали как в обычных заведениях подобного рода и подобного класса. Здесь мгновенно выполняли любые пожелания клиентов. Слова «нет» не было в лексиконе обслуживающего персонала.

– Сейчас принесут, – сказала Инес, положив трубку. Она пошла в спальню и вернулась оттуда с сигаретой в руках.

– У вас есть зажигалка? – спросила она.

– Нет, я не курю. – Он поискал глазами сувенирные спички, обычно лежавшие повсюду, и, найдя их на столике перед телевизором, подошел, взял коробок, зажег спичку и дал прикурить женщине. Та глубоко затянулась, поблагодарила кивком головы.

– Вы действительно хотели спуститься вниз? – спросила она.

– Конечно. Не вижу тут ничего необычного, – равнодушно произнес Бернардо.

– Вы странный человек, сеньор Урбьета. Видимо, у всех русских такой сложный и непредсказуемый характер.

– Я не русский.

– Это я поняла, едва взглянув на вас. Но в вашей стране столько национальностей, что всех называют русскими. Так удобнее. Один из сотрудников вашей разведки, выходявший на связь с Мануэлем, был типичный мексиканец, даже индеец, с таким характерным разрезом глаз и цветом кожи. А потом я узнала, что он был, как это сказать... Есть даже такой известный всемирный писатель этого народа. Они сейчас стали самостоятельным государством. У него был очень известный роман с таким поэтическим названием, кажется, «День всегда длится больше века».

– «И больше века длится день», – вспомнил Бернардо. – Это киргизский писатель Чингиз Айтматов.

– Да, как, вы сказали, называется эта нация?

– Киргизы.

– Да, да. Очень интересная была книга, я ее прочла с удовольствием. А этот связной, оказывается, был киргизом. Представляете? Я всегда считала, что он наш, местный, мексиканец. В дверь постучали.

– Можете открыть, – разрешила Инес.

Бернардо пошел открывать. Два официанта, вежливые и вышколенные, в фирменных одеждах отеля, вкатили тележку и начали быстро сервировать стол, двигаясь удивительно проворно. Закончив все свои манипуляции, они подали Бернардо небольшую красную папку со счетом. Он открыл ее. Там был счет почти на двести долларов. Ничего себе ужин, подумал Бернардо, заметив, как улыбается Инес. Это его разозлило. Он достал из кармана деньги – двадцать пять тысяч песет и отдал их официантам.

– Плачу наличными, – сказал он, добавив еще пять тысяч песет на чай. Официанты, испуганно переглянувшись, взяли деньги. И, растерянно благодаря, вышли из номера, выкатив свою тележку.

– Напрасно вы так, – улыбнулась впервые за вечер Инес, посмотрев на оставшийся счет, – на чай дают не больше пятнадцати процентов.

– Не считайте меня таким идиотом. Я прекрасно знаю, что дал больше, – раздраженно ответил Бернардо.

– Да, но здесь не принято платить наличными. В отелях такого класса стоимость ужина и обслуживание заносится в мой счет. Это удобно и просто.

– В следующий раз заплатите вы, – сказал Бернардо, усаживаясь за столик.

– Сколько у вас всего денег, мистер Урбьета? – спросила вдруг Инес.

– Мне хватит на обеды и ужины.

– Мистер Урбьета, вы теперь, как мой муж, должны знать, что мое состояние оценивается в тридцать миллионов долларов. У вас есть такая сумма с собой или вы и впредь собираетесь платить со мной наравне? – Женщина смотрела ему в глаза.

Под гипнозом ее темных глаз он протянул руку к крышке стоявшего перед ним блюда и внезапно обжег руку. В таком отеле еда просто не могла быть теплой. Она была очень горячей.

– Карамба!⁸ – выругался он, не сдержавшись.

Нужно было видеть, как менялось ее лицо.

– Вы – испанец? – спросила она у Бернардо.

Он понял, что допустил ошибку. По его произвольному крику она поняла, что ошибалась. Он не мог себя контролировать в такой момент. Он действительно обжег руку и крикнул первое родное слово, пришедшее на ум. И это слово было испанское проклятье.

– Нет, – сказал он мрачно, – я не испанец.

Она встала, подошла к окну, выходящему на улицу, отодвинула занавеску, посмотрела вниз. Там ровными потоками шли автомобили. С наступлением вечера Мадрид пробуждался после сиесты, дневного отдыха, и начинал свою ночную, основную жизнь.

– Кто вы? – спросила она, стоя спиной к нему.

Он поднялся.

– Я латиноамериканец, такой, как вы, – ответил честно Бернардо, – я не из России.

– Это я поняла. – Она отошла от окна и вернулась к столу.

– Наверно, мне не нужно было этого говорить, – осторожно произнес Бернардо.

– Такое очень трудно скрыть. Я с самого начала чувствовала, что вы слишком неправильно говорите для русского. Они выговаривают каждое слово четко и внимательно, а вы съедали окончания. Как вас зовут, мистер Урбьета?

Он открыл рот. И в этот момент прозвучал выстрел. Пуля, пробив стекло, попала в Бернардо.

⁸ Карамба – ругательство на испанском языке. Дословно означает проклятье.

Глава 6

Он достал свой зеленый паспорт, протягивая его пограничнику. Тот, равнодушно посмотрев документы, вернул их владельцу, даже не особенно глядя на фотографию. В международном аэропорту Каракаса привыкли доверять прибывающим сюда гостям. Да и сам вид зеленого дипломатического паспорта не произвел на местного пограничника никакого особого впечатления.

У выхода его встречали двое сотрудников посольства.

– Константин Константинович? – спросил один из них, небольшого роста, плотный крепыш с огромной головой почти без волос.

Он узнал этого типа. Судя по описаниям, это был первый секретарь посольства, заодно иногда выполняющий и некоторые щекотливые поручения местного резидента СВР в Венесуэле.

– Да, – протянул он руку, по очереди здороваясь с каждым из встречающих.

– Нас предупредили о вашем рейсе вчера вечером, – сказал крепыш. – Посол просил встретить вас и привезти в посольство.

– Очень хорошо. У меня в багажнике один чемодан. Кому можно отдать билет, чтобы его забрали?

– Вот, передайте его нашему товарищу, – показал на своего спутника крепыш, – он получит ваш чемодан и принесет его к нам в машину. Пойдемте в автомобиль. Здесь достаточно жарко, мощности кондиционеров явно не хватает на такой аэропорт.

Он передал билет с наклеенной на него багажной квитанцией и поспешил за своим встречающим. Крепыш был прав. В автомобиле, где водитель сидел с включенным кондиционером, было гораздо прохладнее. Они удобно устроились на заднем сиденье «Вольво». Несмотря на крайне низкую зарплату чиновников в самом Министерстве иностранных дел России, на постоянные сокращения штатов своих зарубежных представительств, в МИДе по-прежнему не жалели денег на правительственные расходы, выделяя огромные суммы на роскошные автомобили, на которых ездили лишь супруги послов. Иногда их подавали и приехавшим гостям.

– Константин Константинович, вас ждут в посольстве. Но если хотите, мы можем сразу поехать на встречу с вашим человеком. Мне приказано узнать ваше мнение, – очень тихо прошептал крепыш почти в самое ухо гостя, хотя сидевший впереди водитель был также сотрудником посольства и российским гражданином, исправно стучавшим резиденту СВР о всех мелких грешках самого посла.

– Давайте лучше поедem на встречу, – решил гость, – посольство может подождать, а наш человек ждать не может. Надеюсь, он спрятан достаточно хорошо, местная полиция его не найдет?

– Конечно, – горячо зашептал крепыш, – мы приняли все меры предосторожности. На вилле никого нет, кроме офицера безопасности из посольства. А вашего человека привезли в посольской машине, в багажнике, его никто не мог видеть. Там, на вилле, еще один человек, вы его знаете. Это Кирилл Марленович. И больше там никого нет.

Кирилл Марленович Куманьков был местным резидентом СВР в стране. Приехавший знал его лично, резидент был в свое время даже его учеником. По паспорту гостя звали Константином Константиновичем Сергеевым, и он был по выданным документам ответственным сотрудником Министерства иностранных дел России. На самом деле это был Сергей Валентинович Чернов, бывший генерал КГБ, известный в ЦРУ и МОССАДе как «Чиновник», Чернов несколько лет возглавлял специальное подразделение в Службе «А» Первого главного управления разведки КГБ СССР. Его группа занималась проведением тайных операций за рубежом и имела в своем составе представителей сразу трех управлений ПГУ КГБ: Управления «К»,

занимавшегося контрразведкой в самой разведке; Управления «С», осуществлявшего работу с нелегалами, Управления «Т», осуществлявшего активные действия за рубежом. Можно было считать группу Чернова образцовым подразделением по выполнению задач за рубежом. Если учесть, что сама служба «А» занималась в основном дезинформацией противника, то масштаб деятельности группы «Чиновника» невозможно было представить. Ему было даже разрешено самостоятельно готовить специалистов для работы в своей группе, что он успешно делал в Институте разведки и Высшей школе КГБ, выбирая наиболее подготовленных и способных. Одним из лучших его учеников был привезенный из Никарагуа совсем мальчишкой сирота Бернардо Рохас, более известный в разведке под именем «Маркиз».

Сейчас, выполняя особо важное задание руководства Службы внешней разведки России, Чернов прибыл в Каракас с дипломатическим паспортом, выданным на чужое имя. Масштаб операции и полная секретность ее проведения требовали подобного маскарада. На вилле, куда он сразу попросил его отвезти, со вчерашнего дня должен был ждать сам Мануэль, его старый знакомый по кубинской разведке, которого он знал более тридцати лет. Мануэль, как и Чернов, вышедший на пенсию несколько лет назад, теперь снова понадобился своим основным хозяевам – российской разведке, которую сами сотрудники справедливо считали продолжением разведки советской. Здесь гордились старыми агентами ПГУ КГБ, здесь ценили оставшиеся кадры, здесь по-прежнему обращались друг к другу таким приятным для их слуха словом «товарищ», предпочитая не произносить слова «господин». Новичок, не знающий подлинных традиций российской Службы внешней разведки, или сотрудник, сознательно заменяющий «товарища» на «господина», рисковал оказаться «белой вороной» в стенах собственного заведения.

Мануэль, уже находящийся на пенсии более трех лет, выехал из страны по разрешению министерства внутренних дел на лечение в Россию, у него была язва, так мучившая его в последние годы. И хотя лекарство «фосфолюгель» он продолжал принимать и во время своих зарубежных поездок, болезнь иногда давала о себе знать. А лечиться он, конечно, не стал. Сразу по приезде в Россию он был сориентирован на начавшуюся операцию, получившую кодовое название «Мрак под солнцем». Конечно, Мануэлю не сообщали всех подробностей операции, от него требовалось лишь принципиальное согласие на участие в подобной игре. Сидевший без работы вот уже три года, старый пенсионер с удовольствием согласился. Кроме того, как он с удовольствием узнал, в ходе операции к ним должна была подключиться и супруга его погибшего племянника – Инес Контрерас, о которой вообще знали всего несколько человек в руководстве бывшей советской разведки.

Мануэля не пришлось долго уговаривать. Он сразу понял, что новая операция будет каким-то образом связана с Латинской Америкой, с Мексикой и, возможно, с его родиной, Кубой. И хотя детали операции он должен был узнать позднее, первую часть порученного ему задания он уже выполнил. Встретившись в Панаме с Луисом Эррерой, он сумел обговорить предварительные условия фрахтовки или покупки катера и его захода с нужным грузом в один из портов Кубы. Эррера давно знал Мануэля и не стал задавать ненужных вопросов. Его всегда интересовали только полученные деньги и выгода. Еще немного он симпатизировал Кастро, но только в той мере, в какой это не отражалось на его прибылях. А Мануэль, перелетевший затем в Испанию, успел еще встретиться с Бернардо Рохасом и показать ему его будущую супругу Инес Контрерас, с которой Рохас должен был вместе возвратиться в Мексику.

Вернувшись в Латинскую Америку, этот деятельный человек сумел уйти от наблюдения в Колумбии и довольно скоро оказаться в Каракасе, где должна была состояться его долгожданная встреча с «Чиновником». Мануэль понимал, что операция, ради которой его вызвали из небытия, была исключительно важной, если были задействованы такие силы, как генерал Чернов, как находящаяся в исключительном резерве бывшего ПГУ КГБ Инес Контрерас и даже сам Эррера, которого не всегда привлекали в качестве помощника.

Теперь, прячась на вилле, он с нетерпением ждал, когда наконец он сможет встретиться с «Чиновником» и узнать более подробно предстоящие детали следующего задания, а если возможно, то и весь замысел столь масштабно проводимой операции. Его немного волновал этот срочный вызов в Каракас. Как опытный разведчик, он понимал, что должно было произойти нечто исключительное, очень важное, если его попросили приехать в Каракас в нарушение всех существующих договоренностей и сюда же прилетел сам генерал Чернов, который никак не мог появляться за рубежом. Его большое досье могло вызвать икоту у любого иммиграционного чиновника в любой точке земного шара, а контрразведки более трех десятков стран с удовольствием получили бы подобный экземпляр к себе «в гости», настолько ценными и важными могли оказаться его показания. Но «Чиновник», кажется, не обращал внимания на подобные вероятности, предпочитая лично разъезжать по всему миру, правда, с дипломатическим паспортом в кармане.

Дипломатический паспорт был нужен на случай возможных недоразумений. И хотя ни одна разведка мира, даже в нарушение всех норм международного права, никогда не выдала бы такого важного свидетеля, как Сергей Чернов, просто не обращая внимания на его дипломатический паспорт, тем не менее зеленый паспорт все еще служил надежной защитой в случае встречи с местными полицейскими детективами.

Автомобиль доехал до виллы довольно быстро, почти за полтора часа. Расположенная на живописном холме вилла была надежно защищена высокой оградой и следящими устройствами скрытых камер, установленных на воротах при въезде. Ворота автоматически раскрылись, и «Вольво» осторожно въехала в небольшой дворик, куда уже спешно спускался местный резидент Кирилл Марленович.

– С приездом, – радушно сказал Куманьков, раскрывая объятия, – мы для вас все приготовили. Я так и думал, Сер... Константин Константинович, что вы сначала заедете к нам.

Сытая и спокойная жизнь идет во вред резидентам, с огорчением подумал Чернов, протягивая руку.

– Встреча потом, – холодно сказал он, – сначала работа. Он здесь?

– Конечно, – сразу понял, что совершил ошибку, Куманьков, – мы спрятали его достаточно надежно. Наверху рядом с его комнатой спит наш офицер службы безопасности посольства.

– Он его видел в лицо?

– Кажется, да, он носил ему еду. Кто-то должен был его кормить.

Чернов резко качнул головой. Он всегда считал официальных резидентов КГБ в любой стране бездельниками, просто переводящими служебные деньги. Как правило, о настоящей деятельности официального резидента становилось известно почти сразу. В любой стране мира знали, кто именно является резидентом разведки другого государства. И соответственно принимали необходимые меры. В результате резидент оказывался в атмосфере почти полного вакуума, когда не имел права ни встречаться со своими агентами, ни контролировать их деятельность, настолько плотно его брали под наблюдение местные контрразведчики. Сказанное, разумеется, не относилось к такой стране, как Венесуэла, где самым большим секретом было имя любовницы Президента или частые измены супруги одного из министров нового кабинета. На резидента СВР просто никто не обращал внимания. В первое время это даже обижало, потом к этому привыкали.

– Хорошо, – рассерженно произнес Чернов, – дадите мне его данные, мы его отзовем из Венесуэлы. Так будет надежнее.

– Да, да, конечно, – испуганно закивал Куманьков, вдруг сообразивший, что и его могут отозвать после отъезда столь важного гостя.

«А ведь этот спившийся дурак подавал большие надежды», – подумал с досадой Чернов, посмотрев на чуть опухший красный нос Куманькова. Тот, что-то быстро бормоча, шел впереди.

– Он там, в конце коридора, – показал он на последнюю дверь, – мне, наверное, не нужно идти? – уточнил он на всякий случай.

Бойтся, что и его отзовут, понял Чернов и вслух громко сказал:

– Не стоит. Вы лучше проверьте, нет ли кого-нибудь вокруг виллы. Всякое может быть.

Он оставил растерянного резидента и, открыв дверь, шагнул в комнату. Объятия были крепкими и дружескими, они знали и уважали друг друга много лет. Просто, когда решение по Мануэлю Вальесу было уже принципиально принято, на привлечение бывшего генерала КГБ Сергея Чернова все никак не давали согласия. Новое руководство России доверяло кому угодно, делало даже иностранцев советниками правительства, но категорически не принимало и боялось специалистов старой школы правоохранительных органов.

Преступность в России приобрела характер национального бедствия, а разваленные контрразведка и милиция по-прежнему реорганизовывались и организовывались, скрывая за новыми переименованиями и расформированиями обычный шкурный интерес правящего режима любой ценой удержаться у власти. Даже невозможная больше нигде и ни в какие времена уголовная преступность была для властей не так страшна, как подготовленные специалисты по борьбе с ней. В большинстве своем это были честные, порядочные люди, не менявшие своих взглядов с началом новой кампании или с приходом нового руководителя. И потому они были наиболее опасны и наиболее ненадежны для любого руководителя, от Президента великой страны до начальника райотдела милиции. Справедливости ради стоит отметить, что меньше всего в результате этих изменений пострадали сотрудники внешней разведки.

– А ты изменился, Мануэль, – сказал Чернов, глядя на своего старого знакомого, – сколько мы с тобой лет не виделись? Четыре года, кажется? – Они говорили на английском языке.

– Вы прилетели тогда на Кубу вместе с Председателем вашего КГБ Крючковым, – напомнил Мануэль. – Мы встречали вас в аэропорту. Ты еще тогда сказал мне, что моя язва однажды убьет меня окончательно. И привез мне новое лекарство. С тех пор я сижу на нем, а болезнь меня еще не убила.

– Я рад тебя видеть, Мануэль, – сказал Чернов, усаживаясь в кресло.

На столике стояло несколько бутылочек сока и три стакана.

– А почему три стакана? – чисто машинально поинтересовался Чернов. – Ты что, пьешь сразу из трех?

– Это, кажется, по-русски говорят, что нужно «думать на троих», – засмеялся Мануэль. – Я просто знал, что сегодня кто-нибудь придет, раз меня так срочно вызвали, меня не будут долго держать на этой вилле. Или сразу убьют, или все расскажут. Разве я не прав?

– Прав, – улыбнулся Чернов, – только у нас говорят не «думать», а «соображать». Как это по-английски, «мыслить в правильном направлении», вот точный перевод.

– Мыслить в правильном направлении, – засмеялся Мануэль, – мне нравится такой перевод. Хочешь выпить, сок у меня хороший, холодный. Ничего больше мне нельзя, сам понимаешь – язва, будь она проклята.

– Наливай сок, – согласился Чернов.

– Ты знаешь, – взял бутылку Мануэль, – когда я был в Москве, мне сказали, что ты на пенсии. А теперь я вижу тебя здесь. Мне тогда соврали?

– Нет, – мрачно ответил Чернов, – какой это сок?

– Вишневым. Тогда все понятно. Ты был в моем положении. Новой власти не нужны старые кадры?

– Примерно так, но я не люблю обсуждать эту тему. Давай рассказывай лучше о своих делах. Сначала ты расскажешь, потом я. А потом мы вместе решим, что нам делать.

– Я сделал все, что мне было поручено, – пожал плечами Мануэль.

– Так не пойдет. – Чернов взял свой стакан, попробовал сок кончиком языка и залпом выпил весь напиток. Потом поставил стакан на столик. – Давай рассказывай мне все с самого начала.

– Зачатие и рождение можно пропустить? – прищурился Мануэль.

– Первые опыты онанизма тоже, – спокойно в тон ему ответил Чернов, – кончай валять дурака. Подробно и с самого начала операции. Это сейчас очень важно.

– Мне позвонили из вашего посольства и сказали, что я могу получить двухмесячную путевку в один из ваших санаториев. Сказали, что раньше мою просьбу не могли исполнить, а теперь стараются помогать всем участникам всех антиимпериалистических войн. А я ведь был участником и ангольской, и эфиопской кампаний. В общем, ничего странного. Правда, меня еще около месяца мучило наше родное МВД, все не давало согласия на мой выезд в Россию.

– К ним обратилось российское посольство?

– Нет, конечно. К ним обратился я, попросив разрешить мне выехать на лечение.

– С тобой говорил кто-нибудь из бывших коллег?

– Нет. Для них я реликт ушедшей эпохи, отживший свое пенсионер. Нет, для них я был неинтересен.

– Это ты так считаешь или они так думают?

– Я считаю, что они так думают, – подумав, ответил Мануэль.

– Дальше, – требовательно приказал Чернов.

– Потом мне разрешили. Я вылетел прямым рейсом в Москву. В аэропорту, в вашем Шереметьеве, меня уже ждали. Я встречался с генералом Трубниковым, он, кажется, первый заместитель вашего директора ЦРУ, или, как у вас называется, СВР.

– В самолете знакомых не было?

– Точно не было. Там летело несколько групп ваших туристов, возвращающихся домой. В Москве, в твоём ведомстве, мне предложили принять участие в сложной операции. Предупредили, что речь идет об очень важном задании. Сказали, что для первого этапа нужны люди. И назвали имена Инес Контрерас и Луиса Эрреры.

– Они назвали или ты назвал?

– Они, конечно. Ты представляешь, чтобы я даже во сне вспомнил имя Инес? Для этого я недостаточно стар. Они назвали их имена и попросили меня с ними встретиться. С Луисом в Панаме, с Инес в Мадриде, куда она должна была приехать. С первым я должен был договориться о катере со специальным грузом, который должен будет идти в один из портов Кубы. Что за груз и для чего, мне, конечно, не сообщили. А для Инес они сумели подобрать мужа и просили меня ее с ним познакомить. Вот и все. Я встретился в Панаме с Луисом, все это обговорил, передал деньги и инструкции. Потом полетел в Мадрид. Инес уже знала, ей сказали, для чего она летит в Мадрид. Я встретился с вашим агентом и познакомил его с Инес. Это было на корриде, она и ее начальник личной охраны его даже не заметили. Они потом встретились на следующий день в Толедо и все обговорили. Утром следующего дня должна была состояться их встреча в Мадриде. Это было, кажется, три дня назад. В аэропорту я лично видел их встречу. Получилось довольно убедительно, хотя ваш сотрудник был немного скован. Но я его понимаю. После поцелуя такой женщины, как Инес, можно просто сойти с ума. Я увидел, как они садятся в ее автомобиль, и улетел через час в Колумбию. Вот и все. Потом мне сообщили, что нужно срочно приехать в Каракас. Что я и сделал. Кажется, я честно рассказал обо всем. Теперь твоя очередь исповедоваться.

– Понимаешь, – медленно произнес Чернов, – кажется, у нас где-то произошла утечка информации. Что-то такое случилось, чего мы никак не можем понять. Наши аналитики вот уже третий день ломают голову. Дело в том, что в «мужа» Инес Контрерас стреляли.

– Не может быть! – вскочил Мануэль.

– Прямо в этот день. Мы тебя не подозреваем, ты в это время уже подлетал к Боготе. Это мы точно проверили. Но кто-то вечером выстрелил в номер, где находились Инес и ее новый «супруг».

– Он убит?

– Нет, только ранен, к сожалению. И хотя я лично знаю этого парня и он даже мой ученик, в данном случае ему следовало умереть. Мы могли бы сравнительно быстро найти ему замену, а теперь менять его нельзя, все сразу раскроется, все будет ясно. Придется везти в Мексику в таком состоянии.

– Куда он ранен?

– В ногу, и это самое плохое в нашей операции. Он просто нетранспортабелен. А мы хотели его использовать в большой игре в Мексике.

– Это я уже понял. Что-нибудь связанное с оружием?

– Конечно. Ты все правильно понял. Катер с оружием должен подойти к одному из портов Кубы и там выгрузить оружие на борт другого катера, который идет в Сальвадор. Понимаешь, как это важно? А Инес и ее «супруг» могли бы организовать прием этих грузов и их нужное прикрытие в Сальвадоре. Теперь нам придется менять всю операцию.

– Понимаю, – задумчиво сказал Мануэль, – может, это кто-нибудь из никарагуанских «контрас». Они случайно узнали о Сомосе? Каким-то образом прошла информация об Инес и хотели убить ее, а не этого бедного парня?

– Испанская полиция ищет стрелявшего, – ответил Мануэль, – но пока ничего не известно.

– Вы думали, что я мог где-то проболтаться? Ты же знаешь, что Инес – жена моего племянника, убитого в Майами.

– Тебя никто не обвиняет. Нам нужно решать, как выпутаться из этой глупой истории.

– Что ты предлагаешь?

– Послать в Сальвадор с Инес другого человека нельзя. Рядом с ней всегда масса охранников, слуг, массажисток, водителей. А подготовить вторую такую пару мы не сможем. Может, пока убрать их куда-нибудь, а в Сальвадор послать другую пару, под их именем, конечно?

– Это очень опасно, их могут разоблачить. Инес Контрерас очень известный человек в Латинской Америке.

– Ты можешь предложить что-нибудь другое?

– Не знаю, но мне не нравится такой план. Это очень рискованно.

– Это не нам судить. А Инес и ее мужа нужно просто убрать на время куда-нибудь в безопасное место, например к вам на Кубу. В Россию им, конечно, нельзя, иначе все это будет выглядеть как глупое прикрытие. А вот отдохнуть на Кубе они вполне могут. Инес ведь, кажется, подруга Вильмы Эспин Лильойс. Они ведь знакомы уже много лет.

– Да, они давно дружат, – кивнул мрачный Мануэль, – но это большой риск, Сергей, очень большой. Думаю, ты сам знаешь, что делаешь. Эти новые люди почти «смертники».

– Это уже их дело, – махнул рукой Чернов, – подожди меня здесь. – Он поднялся и вышел из комнаты. В коридоре тревожно ходил из конца в конец Куманьков. Увидев генерала, он изменился в лице, услужливо подбежав поближе.

– Составьте список людей, кто знает о пребывании нашего гостя на этой вилле, – приказал Чернов, – включите всех, даже водителя.

– И посла? – уточнил Куманьков.

– Всех, – зло ответил Чернов и безжалостно добавил: – Себя самого, надеюсь, вы тоже не забудете.

Он сказал это громче обычного, и сидевший в конце коридора за неплотно закрытой дверью Мануэль Вальес услышал эти слова. Он всегда гордился тем, что хорошо знал русский язык.

Глава 7

Когда пуля пробила стекло, он инстинктивно обернулся, пытаясь понять, что происходит. Позднее, анализируя свои чувства, он вдруг понял, что несколько расслабился. Прекрасный отель, красивая, но раздражающая его женщина, дурацкое положение «жигало» при аристократке-миллионерше, его собственная ошибка, выразившаяся в непроизвольном употреблении испанского ругательства, – все это несколько сбilo с него привычную осторожность, и он осознал все, лишь почувствовав резкую боль в ноге. Потом он упал и услышал, как рядом с его головой раздался второй выстрел, попавший в посуду на столе.

Нужно отдать должное Инес – она не закричала. Только бросилась сразу к нему, пытаясь определить, насколько серьезно он ранен.

– Ради бога, – крикнул он, – ложитесь на пол и не двигайтесь! У вас есть в номере оружие?

– Нет! – ответила она.

– Тогда лучше лежите и не двигайтесь. Ох, – простонал он в конце своей фразы. Чуть ниже колена расплывалось большое красное пятно.

– Вы ранены? – спросила женщина, все-таки опускаясь на корточки за столом. Он, изо всех сил сдерживая крик от боли, пополз в сторону ванной, где он мог быть вне досягаемости неизвестного снайпера.

– Где ваша чертова охрана, – простонал он, – за что только они свои деньги получают?

Инес, чуть поднявшись, быстро прошла к дверям.

– Карамба! – закричал, уже не сдерживаясь, изо всех сил Бернардо. – Да спрячьтесь вы ради всего святого! Вас же могут подстрелить.

Но она уже выбежала из номера и только громко стукнула открываемой дверью.

Он наконец дополз до нужного места и, приподняв голову, осмотрел свою ногу. Ранение было не тяжелым. Он ощупал кость, кажется, она немного задета, но пуля, пробив мякоть, вышла наружу. Хорошо еще, что кончилось таким образом. Правда, от этого рана не была менее болезненной. Он попытался подняться и со стоном свалился на пол. С таким ранением он может ставить крест на своей дальнейшей операции. Кажется, его «свадебный роман» с сеньорой Инес Контрерас закончился, не успев начаться. После такого ранения ему месяца два уже не бегать. А это значит – конец его заданию.

«Как все глупо, – печально подумал Бернардо, – так дешево подставиться в этом солнечном Мадриде». Кто мог стрелять в него в этом городе? О его приезде никто не мог знать, кроме связного. И потом, это не похоже на убийство. Если стреляли из дома на другом конце улицы, то должны были попасть. Снайпер никогда бы не промахнулся. А тут ранение в ногу. Значит, был не снайпер, не профессионал. А зачем дилетанту убивать мужа Инес Контрерас? Он снова застонал, кажется, кровь начала впитываться в дорожной ковролин на полу.

Резко открылась дверь, и в номер вбежало сразу несколько человек. Он узнал Альфредо и стоявшего утром у дверей молодого парня.

– Стреляли вон с того места, – показала Инес.

Альфредо подскочил к окну. Над Бернардо склонилась полная женщина с улыбкой старой няни.

– Давайте я посмотрю вашу рану, – попросила она.

– Вы врач? – застонал Бернардо.

– Она врач-косметолог, – сказала вместо женщины Инес, – пусть она посмотрит тебя, пока приедет настоящий врач.

– Не нужно врачей, – попросил Бернардо. – У меня не такое серьезное ранение. Вот посмотрите, пуля просто пробила мне ногу, кажется, даже не задев кости. Ох, или, может, задела, я не знаю точно.

– Да, кость немного задета, – нахмурилась женщина, – но вы правы, пули здесь нет. Нужно вызвать врача.

– А что вы ему скажете? – простонал Бернардо.

– Это мы решим, – махнула рукой Инес. – Что там произошло? – спросила она у Альфредо.

– Отойдите от окна, – попросил тот и очень тихо спросил: – У вашего мужа есть враги?

– По-моему, нет, откуда я могу знать точно?

– Мы пойдем посмотрим, – предложил Альфредо, – я с Филиппо спущусь вниз и перейду на другую сторону улицы. А Рафаэль и Доменик останутся здесь, рядом с вами.

– Не нужно, – махнула рукой Инес, – лучше найдите стрелявшего. Я закрою занавески, и здесь ничего не будет видно.

– Вы сами слышали выстрел? – спросил Альфредо у лежавшего на полу Бернардо.

– Нет, конечно. Стреляли с глушителем. Кажется, из снайперской винтовки «Паркер-Хейл». Это модель 85. – От обильной потери крови начала кружиться голова. – Посмотрите на патроны.

Альфредо нахмурился, но ничего не сказал. Он подошел к окну и, уже выходя из номера, обернулся к Инес:

– Ваш муж хорошо разбирается в оружии. Даже слишком хорошо для коммерсанта. Филиппо – за мной. Рафаэль и Доменик остаются у окна, следите вон за тем домом, – приказал он своим подчиненным.

– Сначала давайте перенесем раненого на постель, – попросила Инес, – а потом уже можете следить за окном. Хотя мне лично кажется, что преступник, стрелявший оттуда, давно сбежал. Он не станет ждать, пока мы тут все выясним.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.